

Марк Бо

Бесконечное путешествие:
Начало

16+

Марк Бо

Бесконечное путешествие: Начало

«Автор»

2019

Бо М. С.

Бесконечное путешествие: Начало / М. С. Бо — «Автор», 2019

Эрик Саммерс — молодой парень, который «в шутку» заключает контракт со странным незнакомцем, после чего попадает в гигантский поезд-город, который путешествует между мирами с неизвестной целью. В самом поезде, оказывается, почти каждый вагон — это отдельный мир со своей странностью и безумием, а сам поезд хранит в себе огромное количество тайн. И с самого начала пути герой вляпывается в странную историю, которая становится тем необычнее, чем дальше она продолжается.

© Бо М. С., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Свет из другого мира	12
Глава 2. Большое начало	30
Глава 3. Багровое древо	56
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Пролог

Помещение бара пребывало в приятном, бархатном свете ламп, которые горели вполсилы, придавая месту уютную, комфортную атмосферу. Этому способствовала и спокойная музыка, исходящая из колонок, что висели в углах. Она играла фоном, и своим звучанием позволяла гораздо больше расслабиться посетителям, пришедшим сюда этой глубокой ночью, чтобы уединиться с другом и бокальчиком пива. В дальней части помещения, где был бильярдный стол, то и дело раздавались постукивания друг о друга бильярдных шаров. Кто-то же предпочитал развлекать себя иначе, проводя время за игровыми автоматами, стоящими в ряд ближе к входу.

Бармен, находящийся за стойкой, со скуки переминаясь с ноги на ногу, протирал бокалы, постоянно поглядывая на часы, ожидая, видимо, конца своей смены, которая ещё совсем недавно началась. Все гости находились в зале, а за барной стойкой сидел лишь один посетитель – угрюмый старик, бородатый и коренастый, одетый в потёртые джинсы и кожаную куртку бежевого цвета. Хоть и выглядел он лет на семьдесят, но его телосложение, бойкий взгляд и аура мощной физической силы казались слишком нетипичными для такого возраста. Был ли он мускулистый или просто толстый – непонятно из-за плотной одежды. Иногда он, поднося ко рту бокал, который сжимал здоровенными пальцами, покрытыми грубыми мозолями, большим глотком жадно отпивал часть пива, а затем, замерев, злобно пялился в стену, явно думая о чём-то своём.

Он изредка оглядывался, косясь на посетителей взглядом осуждающим и одновременно заинтересованным, будто выискивая среди них какого-то неприятеля. Но, наблюдая лишь взрослых мужчин, которые не обращали на него никакого внимания, недовольно фыркнул, а затем возвращался к своим раздумьям.

Уже около двух часов не появлялось новых посетителей, и каждый, кто находился здесь, привык к неизменной фоновой музыке и к общему спокойствию вокруг. Но вот входная дверь вдруг отворилась, скрипя, нарушив этим противным звуком устоявшуюся атмосферу. Каждый посетитель, и даже бармен, разом устремили свои взгляды на заходящего в бар парня. Он, с накинутым на голову капюшоном, был одет просто, не выделяясь среди других, которые, осмотрев вошедшего, не увидели в нём ничего интересного, а посему быстро вернулись к своим делам. Разве что на лице бармена проскочило тщательно скрываемое недовольство, когда он заметил, как новый гость, направляясь к нему, оставлял позади себя грязные следы.

Посетитель, не вытерев ноги, будто не заметив или же проигнорировав коврик, сразу же направился к стойке, и, подойдя к ней, устало влез на табурет и сложил перед собой руки.

– Слушаю вас, – в полтона нейтрально произнёс бармен, бегло осмотрев своего клиента.

– Стакан виски, – последовал короткий ответ.

Рядом сидящий старик, всё это время погружённый в раздумья, вдруг оживился и глянул на парня, сидящего на противоположном конце стойки. Бородач быстро заморгал, будто только что проснулся. Потом неуклюже, цепляясь пузатым животом о стойку, слез с табурета и, косолапя, направился к новому посетителю.

– Пожалуйста, – сказал бармен, ставя перед парнем гранёный стакан, наполненный наполовину алкоголем.

– Благодарю, – ответил он, одним залпом осушив содержимое. – Повтори, – он слегка брякнул стаканом о стойку.

Бармен, устало посмотрев на него, хмыкнул и послушно плеснул добавки.

– Эй, ты, – обратился к новому посетителю старик, положив свою тяжёлую руку ему на плечо. – Я тебя тут раньше не видел.

Сначала тот промолчал, но всё же потом бросил короткую фразу:

– Я впервые тут, – с нежеланием ответил он.

– Это я вижу, дружок. Чего забыл здесь? Молод, вроде, а уже по барам шастаешь. Ух. Ну, колись, чего случилось? Да не бойся, не укушу! – лицо его все часы сидения на табурете было угрюмым и злобным, а сейчас так засияло, и видно, что он пребывал в предвкушении разговора.

Парень абсолютно спокойно реагировал на эту, как он считал, ненужную и бессмысленную речь, словно пропускал её мимо ушей, либо же ему было не до того, чтобы с кем-то сейчас заводить разговор.

– Ну, ты чего такой молчаливый? – не унимался бородатый, переходя на повышенный тон, – Я с кем говорю, а? – злобно буркнул он, резко стянув с головы парня капюшон.

Бармен, видя назревающую драку, насторожился, прекратив протирать бокалы. Другие посетители, услышав речь недовольного, отвлеклись от своих дел и принялись наблюдать за началом разгорающейся перепалки, ожидая интересного продолжения.

Парень, не обратив внимания на такой грубый жест, устало вздохнул, но потом ответил:

– Неужели тебе больше не к кому пристать, а? – в голосе его прослеживалась раздражённость.

– Ха, чего? Ты вообще себя слышал? Как разговариваешь со мной, щенок?

Непонятно было, зачем старик разогревал конфликт на пустом месте. Либо его настроение крайне потрёпано, и ему хотелось на ком-то выместить свою злобу, а это желание ещё и подпитано выпитым алкоголем, который уже давно ударил ему в голову, либо же он по натуре своей любителю найти на собственную голову проблем – потешить своё самолюбие, что было видно по его откровенно наглому, высокомерному поведению и надменной манерой речи. И, похоже, новый гость, будучи молодым, стал тем самым, на кого можно наброситься. Это объясняло, почему бородатый так злобно пялился на посетителей, среди которых были одни мужики, выглядящие так, что готовы дать отпор в случае чего.

Парень, понимая, что эта ситуация близится к драке, уже, видимо, пожалел, что пришёл сюда именно этой ночью. Нет, он не боялся получить по лицу, просто ему в данный момент хотелось покоя, а никак не мордобоя. Но видя, что дело к этому близится, решил быстрее с этим разобраться.

– Ладно, давай начистоту, – он отставил стакан в сторону. – Что тебе от меня надо? Неужели я не могу побыть наедине с самим собой, а вынужден слушать какого-то... – он сделал паузу, пытаясь подобрать слово помягче, – идиота, – на последних словах он раздражённо заскрипел зубами. – Я пришёл сюда отдохнуть, поэтому отвали, – твёрдо ответил парень, а затем резким движением руки скинул со своего плеча тяжёлую руку неприятеля.

Он надеялся, что если оскалится, то отобьёт у бородатого желание идти на конфликт. Но тот, оскорблённый, только раззадорился на нарастающую дерзость.

– Это ещё что за дела? – его повышенный тон намеренно привлекал внимание окружающих. – Да я тебе в отцы гожусь, а ты на меня рявкаешь, как на собаку какую-то!

Он точно не ожидал отпора, из-за чего на мгновение замешкался, сбился, пытаясь что-то сказать. И, осознав секундную беспомощность в невозможности ответить, схватил наглеца за плечо и попытался с силой развернуть к себе. Но его рука опять была отброшена, на этот раз крайне жёстким ударом парня.

– Э-э-э! – спохватился бармен, стукнув кулаками по стойке, чтоб на него обратили внимание. – Угомонились! Хотите драться – валите на улицу. Нечего мне тут устраивать. Не хватало ещё, чтоб всё разнесли.

Все посетители с интересом следили за развитием событий, будто впервые видят подобное, либо просто заскучали от однообразности времяпровождения.

– Да ты-то не лезь, сопляк, – рявкнул старик на бармена, но вдруг опомнился, что тот может вызвать полицию. – Ах, чёрт с тобой. Ладно, не обессудь, мужик, нормально же всё, – он

пытался сгладить напряжение, но всё ещё желал отомстить нагрубившему за такую дерзость. – Эй, ты, ну-ка... пойдём на улицу!

Бармен с парнем переглянулись. Первый хотел вызвать полицию, но передумал, заметив во взгляде второго словно бы знак: «не волнуйся, я сам разберусь». И тогда парень, зная, что нужно закончить разногласие, чтобы потом как можно скорее действительно отдохнуть, слез с табурета, и без всяких слов направился к выходу, а затем вышел через дверь на улицу.

Родитель конфликта, недоумевая, быстро зашагал за ним вслед, и уже вскоре покинул помещение. Странно, но посетители не последовали за ними, хотя секунды назад сидели со сверкающими глазами, ожидая драки. Скорее всего, им хотелось узреть мордобой именно в баре со всеми вытекающими последствиями, как это бывает в фильмах: когда два драчуна разносят всё вокруг в пылу ярости. А так, поскольку те удалились наружу, то идти за ними, чтобы посмотреть на обычную драку, никому не интересно.

За пределами бара царилась ночь, чей мрак кишел в каждом сантиметре пространства. И хоть фонарям удавалось освещать территорию перед зданием, окружающее всё равно выглядело жутковато. Сам бар располагался близ заброшенных пятиэтажек, которых здесь насчитывалось около восьми. Некогда их прежние жители были переселены в другие дома, чтобы эти здания, имеющие слишком большой возраст и плачевное состояние, были вскоре снесены, а на их месте построены новые. Только вот по неизвестной причине ко второму этапу не приступали, и посему пятиэтажки, покорно ожидающие своей участи, а именно сноса, сейчас же своим заброшенным состоянием лишь нагоняли жути.

Людей вокруг не было. Магазины, когда-то давно расположенные на первых этажах зданий, переехали в более прибыльные районы. И только бар, одиноко стоящий у дороги, остался нетронутым.

И вот они, парень и злобный мужчина, будучи на улице, отошли за здание бара, оказавшись рядом с запасным входом.

– Смотри, я не бросаюсь на тебя, – первое, что сказал бородатый, стоило обоим остановиться. – Я же человек культурный. Ни то, что ты! Пойми, я же не хочу драки, просто поговорить, а, – он активно жестикулировал руками. – Вот имя твоё, да? Я вот спрошу его, потому что человек я воспитанный. Вот как тебя зовут, ну? – ему едва удавалось выговаривать слова в таком бешеном темпе.

– Ну, допустим, Эрик, – ответил парень, напряжённо косясь на старика.

– Вот видишь, уже нормально отвечаешь, на контакт идёшь. Чего же сразу-то там устроил, а? – он, горделиво задрал голову, чувствуя себя королём ситуации, издал надменный смешок, хлопнул Эрика по плечу.

Парень то уводил взгляд в сторону, на мгновение задумываясь о чём-то, то вновь смотрел на неприятеля, при этом нервно сжимая кулаки, спрятанные в карманы. Когда он шёл отдохнуть в этот бар, то абсолютно не ожидал настолько наглого и беспричинного наезда. Он рассчитывал спокойно выпить, а потом уйти куда-нибудь в угол, сесть за самый дальний стол и там уединиться со своими мыслями, оторвавшись от надоевшей реальности. Только вот появилась эта помеха в виде старика, который всем здоровым видом чуть ли не кричал, какой он сильный для своего возраста. Непонятно толком, что двигало им, но это сейчас не имело значения.

– Ну, молодняк, а меня зовут... – начал было он, вот только Эрик предпочёл пропустить его очередную пламенную речь мимо ушей.

– С этим надо что-то решать, – парень резко вставил свои слова в неумолкающую речь здоровяка, который, навскидку, был выше сантиметров на двадцать и тяжелее килограмм на шестьдесят.

– Чего? Да ты вообще меня слушаешь?! – ошарашенный таким «нахальством» он толкнул Эрика в пол силы, но этого оказалось достаточно, чтобы тот, будучи не готовый к такому, попятился назад, оступился и плюхнулся на мокрый асфальт.

И усмехнувшийся старик, который больше походил на седого и здоровенного мужичищу, вновь продолжил свою тираду, и был настолько погружён в красоту собственной речи, явно получая от этого удовольствие, что прекратил замечать всё вокруг.

Эрик тем временем поднялся на ноги и решил закончить эту бессмыслицу, от которой уже измотался. Он внезапно изо всей силы ударил того. Кулак парня вошёл в бороду старика, затем соприкоснувшись с подбородком, что у здоровяка аж голова чуть не выкрутилась в обратную сторону. И громоздкая туша, будучи не готова к удару, рухнула без сознания, плюхнувшись в лужу.

В любом случае, если бы Эрик не сделал этого, то это сделали бы с ним. Ведь всё к этому и шло. Ему не было жалко ворчуна, несмотря на его седину. Вроде и старик, но слишком живучий и здоровый, смахивающий на седеющего сорокалетнего в самом расцвете сил. Таких ещё поискать нужно. Да и он сам виноват: устроил конфликт на ровном месте, неясно зачем, вот и наговорил на себя чужой кулак.

По идеи, он должен прийти в себя через пару минут. Но, учитывая количество выпитого им алкоголя в баре, становилось понятно, что в ближайшие часы ему придётся пролежать без сознания не из-за полученного нокаута, а из-за литров поглощённого пива.

– И стоило устраивать этот детский сад? – пробубнил себе под нос парень, устало вздохнув, и не меняясь в лице, которое у него всё это время выражало угрюмость.

Он потянулся к своему лбу, запустил пальцы в тёмно-русые волосы и провёл рукой по голове до самого затылка. Постоял ещё минуту, глубоко вдыхая чуть прохладный воздух, а потом сунул руки в карманы и пошёл обратно к входу.

Вернувшись в бар, Эрик сразу обнаружил на себе взгляды всех посетителей. Сначала они с недоумением смотрели, но вскоре один из них начал глупо хихикать, а потом и вовсе тихо смеяться, что-то шепча улыбающимся друзьям, сидящим рядом.

Эрик глянул на них, не понимая, почему те смеются, но уже через дюжину секунд, подойдя к барной стойке, прекратил придавать этому значения.

– Мда, не повезло тебе, – посочувствовал бармен.

– Это ещё почему? Не я это начал.

– Да знаю. Ты не первый, к кому он пристаёт. Раньше, пока дома в округе не были расселены, сюда много молодых приходило по ночам. Любил он до них докапываться. Чёрт знает, зачем. Лез со своими советами ко всем подряд. Но это он считал, что советы раздавал и мудрости учил, а на самом деле просто мешал людям отдыхать. Пару раз огребал, отчего ещё злее становился. Молодёжь, видишь ли, плохая, не слушала его. Ну а на что он рассчитывал, если сходу всех дерьмом поливал? На то, что они его слушать станут?

– И после всего этого вы ещё пускаете его сюда? – странно улыбнулся Эрик, усаживаясь на табурет.

– А почему нет? Пьёт много, чаевые от него щедрые, хоть и идут в комплекте с разговором о жизни. Погромы он не устраивает. Ну, по крайней мере, в помещении. А то, что на улицу с кем-то выходить поговорить... так это уже не мои проблемы. У меня своих дел хватает, знаешь ли. Не подумай ничего такого, но серьёзно, не могу же я постоянно нянчиться с его жертвами. Они сами вполне могут за себя постоять. Кстати, налить тебе?

– Не откажусь. После этого мне нужно ещё больше, чтобы расслабиться и поскорее забыть эту ночь.

– А чего пришёл сюда? Ещё в такую темень. Ладно, я понимаю мужиков. Они сюда ходили ещё до того, как район опустел. Но тебя я прежде здесь не видел.

– Не знаю, так получилось, – он пожал плечами. – Специально притащился сюда с конца города. Район опустелый. Думал, что тут спокойно будет. А оказалось... – Эрик, дёрнув бровями, развёл руки, – ...а оказалось не так.

– Ну почему же не так? – улыбнулся бармен. – После того, как ты отправил его спать, тебе покой обеспечен как минимум до утра.

– Эм. А откуда ты знаешь, что я его... это?

– Говорю же. Ты не первый. До драки дело всегда доходит. Но либо он кого-то, либо они его. Мне его не жалко, сам нарывается вечно. Почему-то возомнил, что из-за своего возраста ему теперь все обязаны, все должны его слушать. Только вот этого не происходит. Вот и бросается на всех молодых... и огребает, – он цокнул языком. – Не так, понимаешь ли, мир устроен, как ему хотелось. А для кого этот мир вообще устроен так, как он хочет? Придумал он себе того, чего нет, и других под это подбивает. Но да ладно, не будем об этом. Так... что тебе налить? Опять виски?

– Знаешь. А давай бутылку. Я, вон, за столик дальний сяду, – Эрик дёрнул головой, совершив тем самым жест направления в сторону самой дальней части помещения, как бы показывая туда.

– Целую бутылку? А ты осилишь? – скептически спросил бармен.

– За это не переживай. Вон ту давай.

– Хах, ну, как хочешь, – он развернулся к стеллажу, откуда взял нужную бутылку, а затем протянул её своему клиенту и назвал цену.

Эрик не спеша полез в карман, достал несколько крупных купюр, отдал их бармену. Кивнул в знак благодарности, взял виски и бокал, слез с табурета, а потом направился в дальний угол помещения, где примостился за столик.

Он первым делом наполнил бокал, сразу осушил его, затем налив вторую порцию. Сидя в гордом и спокойном одиночестве, он, казалось, раздумывал об очень многом неприятном, потому как чем дальше шли декады минут, тем сильнее его лицо искажалось в выражении всё большей подавленности. Вскоре он задремал, но быстро вышел из этого состояния, вздрогнув, будто увидел кошмар. Огляделся вокруг, видя лишь неизменную обстановку бара и редко меняющихся посетителей. Потом опять ударился в короткий сон, вновь пробуждался, снова засыпал. И каждый раз его лицо выражало такую скорбь, будто Эрик выходил из комы с какой-то необъяснимой в глазах надеждой, которая быстро гасла. И только он решил окончательно отдаться объятию сна, как вдруг услышал голос:

– Добрый день.

Эрик открыл глаза, увидев сидящего рядом. Это оказался человек, одетый в строгий классический костюм с красным галстуком, а на плечи было накинуто драповое пальто, настолько огромное, будто шито на великана. Своим внешним видом он абсолютно не вписывался в окружающую обстановку. Его тёмные волосы прилизаны, лицо идеально выбрито. И глаза, чёрные, как космос, казались загадочными, словно скрывают в своих недрах некую тайну.

– Это ты мне? – спросил Эрик.

– Да, – коротко ответил незнакомец, смотря на парня, не моргая и не поворачивая головы.

– Сейчас, вообще-то, ночь, – поправил его Эрик, и, чтобы убедиться в своей правоте, покосился взглядом в сторону окна, за которым крошечный мрак.

– Угу, – промычал человек в чёрном, кивая и зачем-то постукивая зубами.

– И... что дальше? Кто ты такой? – с подозрением спросил парень.

Он уселся удобнее, и, не дожидаясь ответа, будто игнорируя присутствие собеседника, налил себе порцию алкоголя, который затем выпил. Незнакомец наблюдал за этим со странным выражением лица: в нём прослеживалась некая одержимость, только едва видимая, почти незаметная.

– Я видел их, – тихо произнёс он.

– Что именно?

– Твои сны.

– Че... чего? – ухмыльнулся Эрик, издав смешок, подумав, что над ним решили глупо пошутить.

– Тебе в них неприятно. Как и вокруг, как и в твоей голове.

Человек в чёрном начал гнуть свои пальцы, противно хрустя ими.

– Слушай, розыгрыш не удался. Уходи, – Эрик махнул в его сторону, снова налил очередную порцию, выпил, а после погрузился в раздумья.

– Эрик.

– А? Откуда ты знаешь моё имя? – опешил тот, замерев.

Незнакомец, не меняясь в лице, взял бутылку виски, налил немного в бокал, который был в руках парня.

– Ты разбит. Уже давно. Всё потеряло смысл? – продолжал он. – Так тяжело, когда нет того, ради чего жить.

– Эм. Знаешь, так можно сказать про любого человека...

– Не веришь мне? А если я скажу, что ты тратишь ночи напролёт, скитаясь по барам и заброшенным местам, пытаешься найти покой, забыться, позволить своим снам сожрать тебя...

И чем дальше тот говорил, тем сильнее Эрика пробивала дрожь и озноб, ведь он слышал о себе абсолютно всё, что с ним происходило, и даже пересказанные сны. Это не могло быть совпадением или фокусом, поскольку незнакомец удивительно точно, без единой ошибки, описывал Эрику его жизнь, пересказывал его сны от начала и до конца, словно читал мысли.

Эрик впал в ступор, не понимая, что происходит. Думал, что перебрал, спит, а всё вокруг ему чудится. И долго не решался ответить, не зная, что говорить. Алкоголь уже давно ударил в голову.

– А, я понял... я сплю. Напился. Уснул. Да, однозначно, – сделал он вывод.

– Знаешь, а ведь я могу помочь тебе.

– Ты? Мне? Какой же неприятный сон...

– А чего ты теряешь, м? – незнакомец не отводил взгляда. – Признайся, что ты давно хотел начать жить. Но не мог. Ты всё потерял, не видел смысла ни в чём. А вот и я, пришёл к тебе, дабы дать шанс.

Услышанное зацепило Эрика, ведь он, прожигая последние годы, жалко и бессмысленно существуя, каждую ночь мечтал о том, чтоб всё изменить. Только совсем не знал, как именно это сделать, ведь силы его давно оставили, мотивация истлела, смысл потерялся, а сам он был разбит.

Ему не верилось в происходящее. И, уже окончательно обезумевший от жалкого существования (и одурманенный алкоголем), он выдал:

– Ну... и как ты хочешь мне помочь? – он не верил в происходящее, да и ему уже было наплевать, сон это или реальность.

– А вот это уже другой разговор, – человек в чёрном говорил спокойно, но с ярко выраженным удовольствием в голосе. – Я просто дам тебе то, чего ты столь долго жаждешь, – он сунул руку под пальто, вытащил оттуда чистый лист бумаги, который затем положил на стол. – Просто приложи палец, если согласен.

– Прямо как в каких-то ужасах, – с небольшим подозрением Эрик поглядывал то на человека, то на лист, покрытый желтизной.

– Жизнь сама по себе ужас. Но её ты не боишься, а вот меня вполне.

– Допустим, я согласился, – предположил он. – А что ты хочешь взамен?

– Услуга за услугу, – человек достал из кармана небольшой продолговатый футляр, выглядящий весьма мрачно, даже каким-то инопланетным, словно из фантастических фильмов. – Просто принеси его туда, куда нужно. Это не сложно, даю тебе гарантию.

– Хочешь сказать, что я должен буду побыть твоим курьером, а взамен получу смысл жизни? Мда, более странного сна мне ещё не снилось.

– Всё верно, – кивнул человек, кладя футляр на стол.

– А, к чёрту, давай посмотрим, что будет дальше, – Эрик махнул рукой, затем положив её на бумагу и сразу отдёргнув. – Чёрт, что за? – он глянул на пальцы, которые все были измазаны чем-то красным. – Эй, что ты сделал?

– Береги его, – незнакомец пододвинул футляр ближе к парню. – Береги, – и внезапно хлопнул в ладоши, да так сильно, что Эрик проснулся, вздрогнул, коленями ударившись об стол, из-за чего бутылка с виски упала, выплеснув остатки содержимого. – Твою ж... нет, хватит с меня на сегодня, – он поднял бутылку и отодвинул подальше пустой бокал.

По неведомой причине в голове чувствовались неприятные ощущения, будто кошки скребли когтями по черепу изнутри. И резко всё прошло. Эрик опять вздрогнул, не понимая происходящего. Решил не двигаться, ожидая чего-то страшного, но после пятнадцати минут, во время которых ничего не происходило, всё же успокоился. Разве только перед взглядом оставалось помутнение, не проходящее даже после моргания. Поэтому парень, неуклюже поднявшись из-за стола, направился в туалет, чтобы промыть глаза.

И вот, когда он уже был там и стоял у раковины, за его спиной со скрипом отворилась дверь.

– Ну, щенок, ты у меня поплатишься, – раздался сзади голос старика.

И только Эрик развернулся, не успев понять, что произошло, как мигом в его лицо врезался здоровый кулак.

Глава 1. Свет из другого мира

Эрик медленно открыл глаза, перед которыми всё заплыло; и неясные, размытые очертания тёмного фона из разноцветных огней, точно картина ночного неба, наводили на самые разнообразные мысли о том, что происходит вокруг. Вот и разум уже начал просыпаться, позволив себе строить предположения о происходящем. А когда парень, тяжело поморгав несколько раз, сумел избавиться от размытости в глазах, то обнаружил, что лежит на мокрой от прошедшего дождя то ли мостовой, то ли ещё где-то. Контуры серой плитки, похожей на камни, водные капли, яркие огни – всё, что бросалось в глаза.

Эрик принялся медленно подниматься, одной рукой держась за голову, которая сначала сильно болела, но прекратила беспокоить недугом, стоило парню принять положение стоя. Прохладный ветерок обдувал его волосы, чёлка которых даже налезала на глаза.

– Что за... где я? – спросил он сам себя, обнаружив, что находится на пустом перроне.

Ни единого намёка на живую душу вокруг, лишь фонари и железнодорожные светофоры одиноко горели в ночи, освещая платформы и здание пустующего вокзала. Небеса затянулись столь плотной завесой, что пожрали даже свет луны, образуя мрачную и беспросветную мглу там, где обычно в ночи красуются звёзды.

Эрик быстро вспомнил последнее, что довелось ему увидеть до внезапной потери сознания. Рука сама метнулась в карман куртки, достав оттуда жёсткую на ощупь сложенную бумагу. Парень развернул её, как конверт, и сразу увидел тот самый белый лист, на котором внезапно теперь был текст. А ещё его отпечатки пальцев. Эрик, прочитав половину, странно усмехнулся. Но в мгновение скептичность на его лице преобразилась в жалкий страх, как у испуганного младенца. Он скомкал контракт и, замахнувшись, что есть сил, метнул его вперёд. Но сделал это неумело, и бумажка приземлилась в лужицу между шпалами, где начала размокать.

Эрик, испуганно оглядевшись, сначала быстрыми шагами направился в сторону лестницы путепровода, растянувшегося над шестью рядами железных путей. А затем и вовсе перешёл с ходьбы на бег. Но как бы быстро он не бежал, вскоре нехватка воздуха, возникший жар и проступивший пот заставили его остановиться. Эрик с ужасом обнаружил, что не отдалился от места своего пробуждения ни на шаг. Рядом, на плитке, до сих пор виднелось сухое, нетронутое дождём место, где он очнулся. А внизу от перрона на рельсах, а точнее между шпал, до сих пор лежал уже пропитавшийся водой скомканный контракт.

– Да что здесь происходит, – сорвались шёпотом слова с дрожащих губ.

Он застыл в изумлении, даже не замечал своего тяжёлого дыхания. Взгляд намертво вонзился куда-то вдаль, а веки не опустились ни разу, чтобы моргнуть. Губы дрожали, пальцы

рук тоже. Некоторые части лица, в основном оставаясь как каменные, изредка подёргивались. Эрик, не шевелясь, резко переметнул свой взгляд на здание вокзала, потом на гудящий рядом фонарь, а после на рельсы, поблёскивающие от покрытой влаги.

Он неожиданно для себя рванул вниз, спрыгнув с платформы, перепрыгнул железнодорожные пути, вскарабкался на другой перрон. И так ещё несколько раз. Он надеялся этим образом сбежать отсюда, но в определённый момент запыхался, остановился, осмотрелся, и вновь понял, что ничего не поменялось. Он всё также находился там, где очнулся.

Безобидный хрип вокзального рупора, возвышающегося на одном из столбов, внезапным и кошмарным рёвом вонзился в уши парня, что у того аж сердце ушло в пятки, а режущий холод страха искусал всё внутри.

На десятки метров вокруг разнёсся женский голос из рупора:

– К платформе номер... – внезапно речь оборвалась, сменившись шипением, но потом опять голосом, на этот раз странным и пугающим, – номер последний... номер начальный... номер вечный... – перед фразами, сказанными разными голосами, высокими и низкими, проходила короткая пауза.

Эрик лишь мог с полнейшим непониманием наблюдать за происходящей ситуацией. А сменяющие друг друга голоса продолжали:

– ...прибывает вечн-ы-ы-ы, – слова в последнем слоге будто заело, – поезд номер...

И после слова «номер» из рупора начали доноситься то короткие смешки, крики и плачи, то странные голоса и непонятные речи.

Парень, уже считая, что он попал в какой-то страшный сон, был на пике своего кошмара. Он закрыл руками уши, надеясь, что прекратит слышать всё это. Но тщетно, ведь заглушить голоса таким образом удалось лишь наполовину, и они будто начинали вопить в самой голове.

Эрик настолько пропитался страхом, что ему казалось, словно он сходит с ума. И когда всё затихло, он даже не сразу понял этого. Он убрал от ушей руки, медленно начал осматриваться, и вдруг на горизонте увидел красный огонёк. Поначалу тот слабо мерцал, как нерождённая галлюцинация. Но шли секунды, и ничтожно блеклый свет стремительно приближался, перерождаясь в алое зарево с пугающей скоростью. Фонари в радиусе сотни метров загудели, и сразу же разом полопались, исторгнув искры и клубы дыма.

Слабый ветерок перерос в более сильный. Будто подгоняемый неведомыми силами, он начал нести на своих волнах дюжины, а затем и сотни шепчущих голосов, которые затем заглушились первым гудком приближающегося нечто. Последующие гудки разразились мрачным эхом, а очертания красного огонька, озаряющего всё вокруг цветом кровавого заката, разделились на два.

В голове Эрика царил кавардак мыслей. Но в чём точно был уверен парень, так это в том, что там, вдалеке – поезд, приближающийся к вокзалу. Сигнал несущегося состава продолжал кошмарно звучать, добавив ко всему прочему ещё и звуки органа, выстраивающего гармоничную и мрачную композицию. На фоне тьмы, окровавленной алым светом, удавалось разглядеть пышный столб извивающегося дыма.

Экспресс в бешеном темпе, как ненасытный всадник апокалипсиса, мчался по путям. Он приближался всё неумолимее и зверски быстро. И когда красная вспышка ослепительно поглотила всё вокруг, то буквально на мгновение тишина пожирала пространство, и перед глазами Эрика словно пронеслась вся его жизнь.

Но багровая стена света моментально исчезла, а окружающее разразилось нотами органа и визгом армады вопящих голосов. Голова локомотива едва лишь на долю секунд пронеслась мимо Эрика. И он успел рассмотреть её, прежде чем состав унёс своё лицо дальше.

Это были два огня, сияющих насыщенным и ярким светом в алых тонах. Они оказались ослепительными прожекторами, настоящими звёздами в глазницах черепообразной передней части локомотива, имеющего протяжённость свыше десяти длин стандартных паровозов – примерно метров двести.

Остальная часть локомотива мелькнула едва видимым образом. Но этого с лихвой хватило, чтобы разглядеть мешанину из ожившего кладбища и золотистых труб органа: мириады переглядывающихся черепов, подобно кирпичикам, стояли в ряды, наложенные друг на друга. Из пастей некоторых торчали трубы органа, загнутые и взмывавшие вверх; они исторгали свой мелодичный вопль, исполненный какой-то неопикуемой агонией.

Машина, чуть не сбив Эрика потоками образуемого урагана, с невероятным трудом замедлялась. И обличье состава уже не скрывало своей кошмарности от взора парня. Вагоны колоссально огромные, шире обычных в три раза, шли сразу по двум колеям, вдавливая своим титаническим весом рельсы в землю, а шпалы заставляя трещать, разрезая воздух раздражающим скрипом.

Каждый вагон имел исполинские размеры и был подобием гротескного готического собора. Повсюду трубы, ужасающие статуи, застывшие в танце. Острые башни и сверкающие шпильки, со свистом разрезающие воздух. Высота каждого видимого вагона достигала метров тридцать или даже больше; а множество башен, вырывающихся из крыш, и вовсе взмывали

вверх ещё на десятки метров. Ряды гигантских арочных окон, обтянутых узорчатыми решётками, выплёскивали свой ядовито-алый свет на перрон. Будто чудище, сотканное из смерти и выдающейся архитектуры, сошло с реалий ночных кошмаров напрямиком на рельсы.

Паровоз, таща за собой бесчисленное количество вагонов, больше похожих на готические строения, на скорости не менее, чем пятьсот километров в час, зверски умчался за пределы станции. И только вагоны, конца которым не было видно на горизонте, со свистящим визгом пронеслись мимо платформы, постепенно замедляясь.

Поток ветра, образуемый жуткой громадиной, безумной мощью грозился уронить Эрика, но тот крепко вцепился за ближайший столб, и держался изо всех сил, чтобы его не снесло ревушим вокруг ураганом.

И вот момент, когда на циферблате часов, висящих на одном из столбов станции, обе стрелки метнулись на двенадцать, то состав, оглушающе крича тормозными колодками, начал замедляться, окатывая перрон ослепляющей волной искр и визжа оглушающим скрипом металла. И через какое-то время остановился, взревел дюжинами труб, выплёвывал густой пар из-под колёс.

Всё, что оставалось Эрику, так это, застыв в шоке, таращиться на прибывшее нечто. Парень, не поворачивая голову, медленно перевёл взгляд сначала влево, потом вправо, и обнаружил, что длина состава невообразима. Точка остановки локомотива уходила далеко за горизонт, как и бесчисленное количество вагонов, конца которым не видно. Будто бы сама китайская стена своей протяжённостью сошла на рельсы.

Вагон, перед которым стоял Эрик, чем-то напоминал башни Кёльнского собора, только более иные, сильно растянутые в стороны и аккуратно скреплённые переплетением из сотни каменных рук с остальной частью вагона, преисполненного в стиле мрачной архитектуры – готики на стыке с чем-то фантастическим, в каком-то смысле инопланетным. Через острые контуры арок, эмпор и горельефов прослеживалось множество трубок, будто трахеи, но полностью чёрные. А застывшие статуи, по пояс увязшие в стенах, имели очертания ни человеческого, ни демонического, а более жуткого, смеси гуманоида и какой-то кошмарной твари.

Перед самым лицом Эрика находилась громоздкая дверь, украшенная окаменевшими лозами и жуткими рисунками, а вместо дверных петель виднелись человеческие ладони огромных размеров. Внутри всего этого раздался механический звук, и в следующие секунды дверь с трудом открылась. Из прохода повалил густой дым, в глубине которого прослеживались человеческие очертания.

Аккуратные шаги, но затем вальяжная походка, и скрывающийся в густой завесе появился во всей красе. Первое, что бросилось в глаза Эрику – изувеченный почерневшими царапинами череп, закреплённый на позвоночнике, что уходил в глубь роскошного фрака. И

только верхние рёбра слегка торчали в районе трёх расстёгнутых пуговиц рубашки. Это был самый настоящий скелет, одетый в старинные роскошные одеяния, имеющие вкрапление стиля фантастического и неизвестного.

– А, новый пассажир! Das ist gut! – восторженное заявление скелета несло в себе крайне сильный немецкий акцент и заметную картавость.

На его рукаве, ближе к плечу, красовалось девять красных роз, будто вшитых или даже вплетённых в чёрную ткань.

Первым делом Эрик, отойдя от шока, бросился бежать, но его тело разом пронзило невероятной, взявшейся из ниоткуда, агонией, и он с грохотом рухнул. Тем временем скелет достал из кармана трубку и закурил её, а после повернул голову в сторону парня и застучал зубами.

– Неслыханно! Утопленник бежит, хоть сам себе он подписал спасение, и вдруг исторгнул нарушение. Хотя давно уже разбит...

– Что ты такое? – дрожащим голосом попытался выкрикнуть парень, но смог лишь с трудом выдать из себя эти слова.

– Что я? Сей глас пусть обратится в ваши уши. И вы не бойтесь, я не рождён для возведения смертей. Мной не был даже агнец яростный задушен. Но что сейчас есть лучше и важнее? Извольте, я не хотел вас напугать. И вся армада каменных сплетений, несущихся на грани измерений, привносит, как ни странно, благодать!

Эрик с трудом поднялся на ноги. Хотел опять побежать, но понимал, что здесь творится что-то неладное, и его опять опрокинет на землю невесть откуда взявшаяся боль. Он пытался собраться с мыслями, старался успокоиться, и это, на удивление, постепенно получилось, будто сейчас вовсе не он контролировал свой страх.

– Так. Сон, да? Или меня накачали какой-то дрянью, и теперь я вижу всю эту бредятину! – выкрикнул он.

– Вы нарекли своё желание клоакой глупого сознания? – скелет усмехнулся. – Десница ваша подпись выгрызла в бумаге. Вы, как и многие бродяги, скитались с мёртвым размышлением, поддавшись мыслям-разрушениям. Года молили о спасении, а ныне задрожали в опасности?

– Что? Я не совсем понимаю, – Эрик старался контролировать себя и одновременно с этим слушать витиеватую речь. – Подпись? Что? Да быть того не может... – разом всё воспоминание о том баре захлестнуло голову. – Не-е-ет, не может быть такого.

—Возможно! Но, даже если это сон, что вам мешает пережить его величие, тирады, вкусить сладчайших приключений унисон, и, наконец-то, выйти за ограды привычной жизни, мерзкой и порочной. Ведь вы стремились от страданий убежать в непрочном бытие, рассудок где так сложно удержать... от сумасшествий.

– То есть... все мои мольбы вдруг были услышаны... вот этим? – глаза Эрика округлились.

– Чему здесь удивляться? Спасению, порой, приходится в таком обличье появляться!

Скелет достал из кармана золотые часы на цепочке, глянул на время, и покачал головой.

– Вам шанс был дан. Судьбу его себе вы подписали. Всё это, как ни странно, не обман... и вас вдруг руки помощи так сильно напугали? Решать лишь вам. Вы можете уйти спустя минуты три, я не держу...

– Нет, стойте, – перебил Эрик скелета. – Я... Это так неожиданно, я вовсе не такого ждал... Каким образом это всё может помочь мне?

Скелет издал смешок и застучал зубами.

– Передумали, утопленником будучи без назначения, плевать на руку спасения?

Из услышанных слов Эрик понял, что появившийся поезд связан с его желанием вернуть былой вкус жизни. Избавиться от терзающих мыслей и бессмысленности собственного существования. Но он не мог понять, каким образом кошмарный состав может на это повлиять. В любом случае, терять ему было нечего. Даже если это сон или иная реальность.

– Хорошо. Я согласен, – сказал он, поддавшись одной единственной мысли, отбросив все остальные. – И что дальше? Я не представляю, как это избавит меня от всех бед.

– Оно лишь поспособствует, судьбы направит руку в нужный водоём... но для начала с вами мы в вагон пройдем, – довольно сказал скелет, направив две ладони в сторону открытой двери.

Эрик посмотрел в проход, где клубился дым. Он до последнего верил, что это лишь сон, или же его чем-то накачали. Ведь подобное не может быть реальностью. Парень, ещё раз осмотревшись, будто провожая всё вокруг взглядом, неуверенно подошёл к ступеням и, взяв всю волю в кулак, ступил на одну из них. Его сразу охватила волна эмоций перед неизведанным, но он сперва с трудом сдерживал её, задержавшись на ступеньке, а потом словно отключил, и окончательно поднялся в вагон. Он опять обнаружил в себе странное чувство, будто кто-то отключает его страх.

Он обернулся, но не увидел на перроне скелета, который, как оказалось, необъяснимым образом уже стоял позади Эрика. Дверь медленно закрылась после ловкого маневрения костяной руки. Вокруг всё так же царил мгла. Но скелет, видимо, что-то нажал, и дым начал улетучиваться в решётки под появляющимся потолком.

Место, где стояли оба, оказалось просторным тамбуром, чьи стены спрятаны под толщей наклеенных друг на друга страниц из каких-то книг. В некоторых местах пожелтевшие листы были рваными, и здесь торчали слегка ржавые шестерни и поршни разных размеров. Колонны, слившиеся со стенами, представляли из себя каменные статуи жутких созданий, на теле которых росли железные трубки, обвитые засохшими лозами, как и всё помещение. Всё это не внушало никакого доверия.

И Эрик думал, что мог бы остаться и не заходить в поезд. Но если то, что сейчас происходит, действительно является его шансом всё изменить в своей жизни? Тогда бы он просто упустил руку судьбы из своих пальцев. К тому же, Эрик не верил, что всё происходящее реально, и это, скорее всего, сон, что только успокаивало мысли и убаюкивало страх. Потому что жизнь слишком однообразная на отсутствие подобных чудес.

– Прискорбный вывод ваш пусть не посеет в сердце страшные вкрапления. Все эти статуи и мрачные фигуры в своей природе просто украшения, – сказал скелет, понимая, что Эрика пугает интерьер. – Ну-с, поскольку новая персона предо мной, то я пред ней посмею наклониться головой, – он склонил череп, прижавшись челюстью к рёбрам. – Я – мастер Краус. Имя – Лин. Но можно просто господин! Я есмь здесь и Альфа, и Омега. Я – крик сия безумного ковчега! Король легенд мертвецки пьяных, министр снов, кошмаров ярых! Хранитель, чей истлел покой. Я мёртв, но в то же время и живой. Я – космос легиона душ несчастных, купель отвергнутых, ужасных. Армады судеб режиссёр... или обычный контролёр! А вы, мсье, зовётесь как? – он протянул свою руку.

– Эрик Саммерс...

– Буду рад! – и схватил руку парня, крепко пожав её. – Посмею, Эрик, стать для дружбы нашей стимулятором и буду временно для вас куратором! – Краус совершил очередной поклон, а после подошёл к двери, ведущей в основное помещение вагона.

Эта дверь была такой, какие обычно устанавливаются на подводных лодках, только здесь обтянута бордовой, как цвет вина, замшей. Контролёр крепко вцепился костлявыми руками в затвор, установленный на двери, и повернул его, а потом без особых усилий толкнул дверь, весом около тонны, от себя.

Эрик готовился увидеть всё, что фантазия посмела преподнести ему. Но открывшаяся картина оказалась безобидной по сравнению с жуткими предположениями. Взору предстало помещение, больше похожее на кабинет почитателя живописи. Картины фантастических существ, изображённых на холсте, удивительно гармонировали с готическим интерьером. Посреди комнаты стояла кушетка, рядом с ней кресло и столик. На кушетке лежала огромная собака, вся чёрная, морщинистая, в омерзительных струпьях – кошмарный шарпей размером с бегемота.

А в кресле, чья высоченная спинка, переходящая в челюсти, зубами вцепилась в потолок, сидел карлик, одетый в десять слоёв рубашек и узорчатых пиджаков. На его горбатом и длинном носу в ряд выстроились четыре пары очков. Он держал в руках записную книжку, поглядывал на пса, что-то записывал.

– Так, да, продолжайте, – обратился карлик к собаке, а та, встряхнув головой, сперва заскулила, а позже завыла. – Да что вы, серьёзно? Хорошо, так и запишем, – карлик черкнул пером в открытой книжке. А потом повернул голову, вместе с псом обратив внимание на Эрика и Крауса.

Куратор в своей стихотворной манере извинился перед обоими за потревоженный сеанс, а потом закрыл дверь, тяжело вздохнул и покачал головой.

– Извольте принять мои извинения. Не в тот сегмент мы с вами устроили вторжение, – обратился он к Эрику, захлопнув дверь.

Пальцы Лина коснулись нескольких слов на одной из страниц, повешенных на стене, и после этого за дверью раздался скрежет, а шестерёнки и поршни, торчащие из дыр в стенах вокруг, начали движение.

Эрик предполагал, что все листы, развешанные тут, являются чем-то вроде переключателей, меняющих комнату за дверью. Надписи, на удивление, были на родном для парня языке, поэтому прочитать их не представлялось сложным. Очень странно, что Эрик прекрасно понимал как речь скелета, так и то, что читал на стене. Объяснения этому он не нашёл, спросить не решился, но предположил, что в будущем осмелится задать вопрос касательно этого.

Он в спешке бегал взглядом по словам, понимая, что они лишь никак не связанная друг с другом мешанина, но Краус вмешался в его занятие.

– Майн друг, теперь, любезны будьте, проходите. И за бедлам напутанных сегментов уж меня простите.

Скелет опять открыл дверь. На этот раз помещение разительно отличалось от предыдущего. И это мягко сказано. Почти сплошная тьма наполнена ползающими повсюду люминесцентными насекомыми, которые едва проедали своим светом объятия мрака. Длинный зал, чья ширина достигала двадцати метров. Стены, состоящие из подвижных кирпичиков, словно раздувались, а пространство наполнялось тяжёлым и громким дыханием. Медленные вздохи невесть чего заставляли кирпичики поочерёдно выдвигаться, меняя не только общее положение стен, но и позволяя через большие щели выдвинуться трубам. Кирпичи напоминали мозаику, и, шевелясь, успевали своим многотысячным числом выстраивать узоры. А потом раздувшиеся и смещённые стены, на мгновение застыв, не спеша возвращались в исходное положение.

В нос парня забивался смрад, пусть и едкий даже для глаз, но терпимый для рвотного рефлекса. Эрика всё больше удивляло пребывание в этом непонятном поезде, хотя прошло лишь несколько минут с момента, когда он взошёл в вагон.

– Что это за вонь? – поинтересовался он, закрывая нос.

Краус лишь постучал зубами. Это, должно быть, означало улыбку или что-то вроде того. Ведь как иначе безликому черепу изображать эмоции на несуществующем лице. Лин ничего не ответил, лишь щёлкнул пальцами, создав искру, от которой начали вырастать извивающиеся, словно змеи, то ли молнии, то ли светящиеся нити. Они стремительно заполняли помещение, вскоре освещая его своим голубоватым мерцанием. Но не полностью. Слабый свет находился лишь в районе волнистых молний, которые хаотично, переплетаясь с другими, перемещались по залу под сопровождение дышащих стен.

– Это место...

– ...для вашей души неуместно? – Лин на свой лад договорил за Эрика. – Я знаю, сложно поначалу это принимать. Необходимо время, чтобы признавать душой и разумом кошмарные величия, иных миров безумное наличие. Сейчас терзает вас оцепенение, но тщетно оно в попытках быть извечной. Когда ваш разум ощутит перерождение, то жуть вдруг станет милой и сердечной.

Куратор зашагал вперёд, а Эрик за ним. Они оба шли вдоль дышащих стен, сопровождалась извивающимися молниями, которые постоянно касались кожи парня и костей Лина.

Эрик заметил наверху какое-то движение, и сразу поднял голову, увидев крошечную тьму, а в ней ползали неведомые создания. И только несколько пар светящихся жёлтых глаз выдавали их присутствие.

Сердце Эрика уже устало колотиться в бешеном ритме из-за постоянной напряжённости от чужеродности вокруг. Парень хоть ещё не отошёл от шока, но потихоньку привыкал, и даже более-менее начинал соображать здраво, чем в момент посадки в поезд, когда разум был движим глубинными и болезненными мыслями – именно это подвигло Эрика на сомнительную авантюру зайти в поезд. И ещё внутри себя он ощущал чьё-то присутствие, в каком-то смысле даже влияние, но пока не мог дать этому объяснение.

Когда оба дошли до конца вагона, то наткнулись на врата, которые Краус открыл, нажимая каблуками обуви на плитки. Створки врат изогнулись наружу, как крылья птицы, и начали отворяться, закрывая всё пространство позади идущих, а перед их глазами возводя картину – красивейший зал.

С серых колонн свисали красные одеяния длиной в шесть метров, будто сшитые для великанов. Мантии пустовали, но развеивались в отсутствии ветра. За колоннами шли, упирающиеся в потолок, книжные шкафы, созданные точно из живого материала. Потому что всюду, особенно на полках, виднелись либо нераспустившиеся почки, либо зрелые фрукты серого цвета, иногда падающие на пол, где их подхватывали костлявые зверьки, сразу же прячущиеся обратно в прогрызенные в паркете дыры. Меж шкафов изредка находились узкие, но высокие арочные окна, украшенные железными прутьями, изогнутыми острыми концами наружу.

Но всё это казалось безобидным по сравнению с длинными иссохшими серыми руками, что были покрыты трещинами и отваливающимся слоем, видимо, краски. Пары застывших рук находились повсюду, словно специально поставленные в помещении. Одни своими пальцами прочно держались за какие-то книги. Другие, упираясь ладонями в пол, просто стояли, словно ходули. Третьи и вовсе связанными валялись в углу.

В центре зала возвышался сочно-коричневого цвета с передней стенкой трёхметровый стол, а за ним сидел, укутанный в балахон, непонятно кто. Максимум, что Эрику удалось рассмотреть – спрятанный под капюшоном чёрный шар, в котором плавали мерцающие огоньки. Напоминало картину космоса. На столе покоились стопки пыльных фолиантов, пузырьки с чернилами, склянки с прочими жидкостями.

Существо, завидев посетителей, отвлеклось от своих дел. Не произошло даже приветствия между скелетом и созданием, которое томно спросило:

– Постоялец?

Краус поднял руку, вяло помахал ладонью. Эрик начинал подозревать, что его попутчик не просто предпочитает стихотворную речь, а старается всеми силами использовать жесты в том случае, когда можно обойтись одним или двумя словами. Неудивительно, ведь рифму в таких коротких фразах, особенно состоящих из двух или даже одного слова, не построить. Значит, как предположил Эрик, Краус не может говорить обычным языком.

– Хм, – хрипло протянуло создание. – Пассажир?

Скелет кивнул.

– Я схожу за бумагами, – создание убрало когтистые лапки под рванный балахон.

Оно, будто плывя по воздуху, двинулось в сторону стоящей у стола пары рук. И когда добралось до них, то их концы оказались под одеждой существа. Теперь оно направилось к шкафу на этих многометровых руках, как на ходулях, медленно переставляя их. Стоило созданию подойти к одной из полок, то оно проделало знакомую процедуру – наклонилось к концам других рук, держащихся за книги. Теперь и эти руки будто слились с существом, став подчиняться ему. Оно прикрепило к себе эти конечности подобно протезам.

Оно начало перебирать книги, вытаскивая их и задевая растущие из полок фрукты, сразу падающие на пол.

– Одну минуточку.

Видимо, нужных записей не нашлось. Тогда создание, не отходя, потянулось и взяло находящиеся неподалёку ещё две руки, а затем прикрепило их к своему телу под балахоном, и теперь выглядело ещё более жутким, будто странный паук. Очередная порция новых конечностей без промедления пошла в ход, начав пальцами перебирать книги на нижних стеллажах.

– А... вот же.

Существо вырвало нужную страницу, неуклюже развернулось и направилось обратно к столу, по пути открепляя длинные руки и оставляя их на первоначальных местах.

– Хм, – задумалось оно, читая. – Его одежда не подходит местной.

– О, позвольте, не стоит так страшиться. Его ведь не увидит кошмарная сестрица! – ответил Лин.

– Да будет так. Но я всё же рекомендую вам переодеться, если не хотите ненужных... смертей... – существо ещё раз взглянуло на страницу.

– Что ещё за сестрица? – поинтересовался Эрик, повернувшись к Краусу.

– ... а вот багаж у вас, – продолжило создание, – куда-то затерялся. Непорядок.

– Какой багаж? Я ничего с собой не брал.

Но существо не обратило внимания на слова парня, и, прикрепившись к паре длинных рук-ходулей, стоящих рядом, зашагало к горе сундуков. Оно начало их переставлять, открывая некоторые, но не довольствовалось результатом. Один из сундуков с грохотом рухнул на пол, вывалив всё содержимое, а именно мяукающие разным тоном головы котов, которые покатались в стороны, а затем сразу, словно вода, просочились в щели пола.

– А, вот же оно! – обрадовалось создание, найдя какой-то большой свёрток. – Прошу, – и протянуло его Эрику.

Тот, понимая, что на его слова никак не реагируют, просто взял из рук существа вещь, замотанную в ткань.

– Теперь вы можете ступать дальше, – закончило оно, возвращаясь к делам.

Парень развернул свёрток, обнаружив в нём длинную и изогнутую, покрытую символами рукоять без лезвия, либо же это была коробочка, либо футляр. Парень был уверен, что это не может принадлежать ему, но спорить смысла нет. Да и, кто знает, откуда эта вещица и как она может помочь в дальнейшем. В его голове крайне слабо мерцали воспоминания о баре, о том незнакомце, который, кажется, вручил парню нечто похожее. Но память касательно этого момента словно улетучивалась, заставляя Эрика воспринимать эту вещь как нечто неизвестное, чего он никогда не видел.

– Теперь, майн друг, нам нужно дальше продвигаться. Подбросим пару дров в горнило адаптаций!

Лин обошёл стол, подойдя к следующей двери. Эрик последовал за Краусом.

– Кажется, мне уже лучше. Начинаю привыкать ко всему этому. Но всё равно не могу поверить. Очень странный сон.

В ответ скелет лишь постучал зубами, повернул вентиль, отворил дверь и зашёл внутрь вместе с парнем. Очередной тамбур, сразу переходящий без каких-то прочих перегородок в основное помещение нового вагона.

Длинный коридор, примерно три этажа высоты, а шириной метра в четыре. Стены из тёмного дерева, хаотично покрытые металлическими костями, на которых цвели необыкновенные цветы, своими бутонами пережёвывающие чутью-то плоть. Ряды светильников с горящими свечами парили под самым потолком, до которого около восьми метров. На полу постелены гобелены с изображением масштабной битвы рыцарей. Арочные окна прикрыты тёмно-бордовыми занавесами, исписанными фантастическими узорами из золотой нити. Но они были занавешены не до конца, и в небольшую щель между ними всё же виднелось происходящее за окном: бескрайние ночные леса, чьи деревья взмывали до небес, на которых ярко светило несколько лун, и каждая разного размера.

И самое удивительное, так это едва слышимое пение на манеру оперному. Чей-то тонкий, будто детский голосок мягко пел, сильно растягивая слова, воздействуя успокаивающе. Эрик глянул наверх, выискивая источник голоса, и увидел только двухголовую статую, распятую в форме звезды на потолке.

Парень чувствовал себя странно и некомфортно среди этой архитектуры и интерьера, сочетающегося в себе мрак и романтичность, жуть и фантастичность. Ведь именно так можно описать данный вагон с его стилистикой: прекрасные цветы и манящий голос пробивались сквозь смерть и разложение.

В течение всего времени, пока оба следовали по коридору, Эрик заглядывал в открытые комнатки, оказавшиеся пустыми, но явно подготовленными для будущих гостей.

– Что же это за поезд такой?

– О! Я погляжу на ваши веки – они отныне страху не подвластны. Ответ на ваш вопрос? Вы будете несчастны.

– Это не то, что я ожидал услышать... – неуверенно ответил он. – Вы будто уходите от ответа, – слегка возмущился Эрик, одновременно замечая, как мрачные пейзажи за окном уже не проносятся так быстро.

Лин вдруг спохватился:

– О, следующая станция ревёт своим присутствием ближайшим! Посмею извиниться перед вами поклоном я низайшим. Извольте простить, но пассажиров майн работа требует впустить! А после мы продолжим наш путь. Я вам обещаю! Но встречу сперва эту лютую стаю...

– Станция? Следующая? Неужели поезд движется? Я даже не чувствую тряски. Значит, виды за окном – это не просто какие-то картины? – удивился Эрик.

Он вспомнил, как поезд прибывал на станцию. Как разрывал своим воплем тишину, как разламывал тяжестью вагонов рельсы. Но чтоб состав, когда Эрик оказался на нём, так незаметно двинулся и поехал – этого парень никак не мог ожидать. Он не слышал даже намёка на стук рельс, когда махина набирала ход.

Сейчас поезд мчался подозрительно тихо, если наблюдать изнутри, но очень быстро. Не было никакого намёка на звуки езды, да и вообще даже пылинки в вагоне не сдвинулась с места.

Краус положил руку на канат, свисающий с потолка.

– Позвольте, Эрик, находиться чуточку левее от меня. Мне так не хочется полдня вас соскребать от чудного ковра, – он, стоя смирно, повернулся в сторону двери, видимо, готовясь её открыть.

Поезд остановился. Удивительно, Эрик даже не ощутил этого. Краус тем временем дёрнул за канат. Тяжёлые занавесы разом распахнулись в стороны, оставив окна неприкрытыми. Освещение интерьера метнулось на громоздкие, сделанные мозаикой, стёкла, осветив сквозь них перрон станции, где остановился состав.

Краем глаза парень выглянул из-за угла, желая увидеть тех, о ком говорил Лин. Зрелище оказалось мрачное. На платформе, стоя в ряд, выстроились дюжины существ: тощие, буквально дистрофические тела, покрытые чёрными волосами; ноги тонкие, длинные, а вместо ступней копыта в форме зубов; шеи вытянутые, мохнатые, как грива; а головы – голые черепа, блестящие, отполированные; и олени рога, растущие из висков, торчащие в стороны так широко, что можно усомниться, смогут ли эти нечто протиснуться в узкий проход.

Краус дёрнул за ручку дверь, потянув её на себя, и она буквально прижала парня вплотную к стене, спрятав тем самым от глаз существ, друг за другом начавших заходить в вагон. Контролёр ничего им не говорил, а только, склонив голову, смирно стоял, повернувшись спиной к двери, облачиваясь, удерживая её от попытки закрыться. Но через небольшое дверное

отверстие, где, судя по всему, раньше был винтик, Эрик наблюдал, как они, жуткие твари, ступали на гобелен, глухо стуча сквозь него по деревянному полу.

Их огромные рога, задевая стены и светильники, моментально обращались в густой дым, постепенно исчезающий в пространстве. Но стоило созданиям повернуть голову так, чтобы ничего не задеть, то из ниоткуда появлялся, сгущаясь, туман, обретая форму рогов, а затем полностью превращаясь в них.

По четыре таких существа, издавая едва слышимое мычание при дыхании, будто у них завязаны рты, заходили в свободную комнату, сразу захлопывая дверь. Так продолжалось до тех пор, пока каждое помещение не оказалось заполненным. И тогда Краус отошёл от двери, что прижимала парня к стене. И теперь Эрик мог выйти из-за своеобразного укрытия.

– Извините, майн друг, но это средство есть необходимость вашей безопасности для не утраты жизненной контрастности. Но в голову брать не стоит их личность, иначе утратится вся романтичность жизни, фантазий, мечтаний, желаний. Вам лучше не станет от жутких тех знаний!

Эрик на пару секунд замялся в попытке придумать, что ему сказать.

– А я уже собирался было спросить... что-то. Ладно, не суть. Так куда же мы направляемся?

Пламя парящих свечей исчезло. Всё погрузилось во тьму. Где-то глубоко под полом послышался скрежет.

– Это ещё что? – вздрогнул Эрик.

Мрак сразу чуть рассеялся от красноватого свечения роз на рукаве скелета.

– Очередная за сутки внезапная помеха. Вновь неисправности трубного цеха? – сам себя спросил Лин, повернувшись к картине, где изображено ухо. Скелет коснулся пальцами холста, а потом застыл и замолчал.

Сначала Эрик ждал секунд десять, но потом, видя, что Краус продолжает неподвижно стоять, как статуя, занервничал.

– Мастер... Лин?

– Не нужно погружаться в волнения, друг мой. Продолжим лучше путь стирать своей стопой! – ответил скелет, как ни в чём не бывало, и провёл рукой по висящей на стене странице, после чего освещение в вагоне вернулось.

Похожая на закрытую пасть следующая дверь, находящаяся перед самым носом скелета, закрипела зубами. Глаза, вылезшие из стены, бегло осмотрели приблизившихся, а потом закрылись, после чего пасть, играющая роль двери, медленно отворилась, роняя на пол вязкую слюну.

Эрик от неожиданности отскочил в сторону, но Краус уверил, что бояться нечего, и, не дожидаясь парня, смело ступил в открывшийся проход. Перспектива остаться одному, нежели зайти в жуткую дверь и последовать за скелетом, показалась Эрику не самой лучшей. Поэтому он, хоть и поглядывая с большой опаской на торчащие из порога зубы, поспешил зайти внутрь.

Вагон оказался большим помещением высотой в четыре этажа. Окон не было, только фонарные столбы повсюду, как на полу, так и на потолке, свисая с него. Все они были словно сталактиты и сталагмиты, подключённые к проводкам, которые переплетались и объединялись в огромные кабели, медленно извивающиеся в воздухе, словно в невесомости. В центре зала находилось странное устройство, похожее на печь: множество труб, переплетённых между собой, уходило то в пол, то в стены, то тянулось к потолку. Но больше всего труб оканчивались у ступенек небольших возвышенностей, к одной из которых подошли Эрик с Лином.

– А вот и кончился наш краткий марафон. Теперь телепортирую я вас в ваш скромный вагон.

Скелет резво поднялся по ступенькам, а Эрик пошёл за ним, в итоге оказавшись на круглой платформе. Поверхность была стеклянная, и под ней можно было рассмотреть кучу проводов, лампочек, труб. Рядом стояла панель, по которой Краус водил пальцами, нажимая различные кнопки. Он делал это достаточно долго, и за это время Эрик, терзаемый интересом, успел более детально осмотреть помещение, заметив на потолке странные движения. Присмотревшись лучше, парень разглядел пухлого младенца, чья кожа своим цветом напоминала чёрный пепел. И только глаза были сплошь белыми, слегка мерцающая, подобно люминесцентной лампе.

Сначала ребёнок, зловеще сидящий на потолке, не шевелился, пристально сверля взглядом Эрика, отчего у того по коже пробежались мурашки, и он сразу отвёл взгляд, чувствуя нарастающую внутри тревогу. Но затем услышал тяжёлое дыхание младенца, который невесомым образом теперь сидел неподалёку от Крауса. Лицо жуткого ребёнка, не проявляющее никаких эмоций, вдруг искривилось в безумной улыбке. И он достал из-за спины точную копию головы Эрика, а потом начал шептать ей что-то над ухом.

Сам Эрик от увиденного ощутил, как внутри него прокатилась волна ледящего холода. Время вокруг будто застыло, а всё происходящее отошло на второй план, став каким-то несуществующим, словно иллюзией. И только этот ребёнок был в центре мыслей Эрика, который застыл от нахлынувшего ужаса, вдруг услышав над своим ухом голос, прошептавший что-то невнятное. Парень уже сто раз успел пожалеть, что сел на этот поезд, потому что всего за десять минут пребывания здесь его уже чуть ли не трясло. Но всё же что-то странным образом влияло на него, успокаивая и не давая убежать. Хоть Эрик пока и не мог понять, что это было, но косился на удерживаемую в руке рукоять, которую ему вручили, сказав, что это его багаж.

Свет вокруг неожиданно потух, а конструкция в центре помещения остановилась, и зал наполнился тишиной. Но через секунды из стен вылезли лампы, принявшись сиять красным светом, а также издавать тревожный сигнал.

Краус, переключив своё внимание на происходящее, застыл, словно пытался понять, что происходит. Стены вагона начали скрипеть с таким звуком, будто нечто тяжёлое давит на них снаружи, норовя сплющить.

– Что происходит? – спросил Эрик куратора, но тот, будто не слыша, задумчиво смотрел на стены.

Лин резко побежал к устройству, что-то в нём ковыряя, потом в спешке принялся жать какие-то кнопки на огромном котле. А скрежет тем временем лишь усиливался.

Контролёр обратился к парню:

– Послушайте, майн друг, нет времени мне объяснять. Сейчас придётся вам себя другим путём занять. Хоть мало с вами мы знакомы, но больше никому я просьбу не успею поручить. Найдите Манфисталя. Передайте, что хватит сны в сознание воротить! Я вас отправлю к Готи-нейре в точку невозврата. Она вам скажет, где Манфисталя есть координаты!

После эти слов Краус направил на Эрика руку. Парень, ошеломлённый непониманием происходящего, ощутил, как по телу принялось разливать тепло, и внутри словно закопошились тысячи муравьёв. Он посмотрел на свои руки, наблюдая, как они, подобно дыму, развеиваются. Он даже не успевал подумать о том, что может происходить, поскольку куча событий за последние минуты и то, что сейчас происходило – всё это лишь сильнее замораживало его способность думать.

Лин стоял и улыбался, а стены помещения со скрежетом вдавливались вовнутрь. На них появлялись трещины, из которых бил яркий, обжигающий, слепящий фиолетовый свет.

Последнее, что Эрик видел, прежде чем всё погрузилось во мрак, это то, как Крауса коснулись фиолетовые лучи, поджигая чёрный фрак, а розы на рукаве начали активно шевелиться, заливаясь алым светом. И всё погрузилось во тьму.

Глава 2. Большое начало

Эрик очнулся неведь где. Первым делом, открыв глаза, он увидел полутёмное место. Парень попытался пошевелиться, но не смог, потому что находился в подвешенном к стене коконе, сотканном из множества слоёв прочных нитей. Ему повезло, что голову не постигла эта участь, так что он мог свободно осматриваться.

Под потолком каменные своды, а внизу, казалось, бездонная яма. Просторное помещение имело цилиндрическую форму, напоминало полу юную башню. Из стен, украшенных бордовыми обоями, торчали массивные, по несколько метров длины, чугунные балки, как ветки дерева. И с них свисало множество коконов, где заточены обыкновенные манекены. А всюду рулоны ткани, то торчащие из встроенных в стены открытых шкафов, то просто висели на цепях.

И, что самое главное, в пространстве одиноко парили, медленно вращаясь вокруг балок, одетые манекены. Где-то одетые в мужские фраки и мантии, где-то в женские наряды и пышные платья. И опять сплошная готика в дизайне одежды, зато как шикарна, словно шил это безумец, одержимый данным стилем и великим искусством создания нарядов. И это только подтверждалось платьем, висящим рядом с Эриком. Узоры на пышном одеянии настолько детализированы, что можно было бы, имея окуляр ювелира, прочитать там целые истории из мельчайших рисунков, бережно скрытых в абстракции кружева.

Парень начал приходить в себя, вспомнив произошедшее. И тут его словно отпустил весь тот ступор, сдерживающий прорыв эмоций. Когда он увидел этот поезд, то, хоть и испугался, бросившись бежать, но его страх будто подавлялся. Даже тогда, когда он уже сел на поезд и шёл через его вагоны.

И только сейчас, в этот момент, он в полной мере ощутил самый настоящий ужас, реально осознав происходящее. Он принялся брыкаться изо всех сил, пытаясь выбраться из кокона. Но тщетно. Он тяжело дышал, боясь задохнуться от вставшего в горле кома. И чувствовал, как ему хочется закричать и броситься бежать – неважно куда, лишь бы подальше отсюда.

Его начало трясти так, как никогда. Парень с трудом сдерживал волну эмоций, прилагая огромные усилия для подавления внутреннего ужаса. Он чувствовал, как крик сам хочет вырваться изо рта, и ему приходилось чуть ли не прикусывать себе язык, чтобы не закричать.

Он начал бешено водить взглядом, осматривая кошмар вокруг. Он не понимал, куда его забросило и почему, и что произошло в том вагоне, и что сделал тот скелет. В голове Эрика царил хаос из однообразных мыслей и повторяющихся слов о некоем Манфистале – имя, названное скелетом, и принадлежащее неизвестно кому.

– Очнулся? – внезапно сладкий голос донёсся из полумрака.

– Кто?! Кто здесь?! – от неожиданности вздрогнул Эрик, озираясь и всматриваясь в каждый манекен.

– Поразительно, какой же ответ будет верным? Ты по незнанию оказался здесь... нет, свалился на мою голову. Или же намеренно пришёл в таком нечестивом и оскорбительном тряпье?

Определить источник этой речи оказалось сложным, ведь слова разлетались эхом. Но хоть в голосе звучали ноты недовольства и злости, тем не менее, он был мелодичным, мягким, очень приятным для слуха, и принадлежал явно молодой девушке.

Эрик за секунды успел перебрать в голове тысячи вариантов о том, кто с ним заговорил.

– Да что ты такое, чёрт возьми! – крикнул он. – Покажись! – добавил он, сам не зная для чего, ведь этими словами мог только спровоцировать того, кто прятался невесть где.

Парень делал себе только хуже тем, что позволял страху разрастаться в голове. И поэтому он, пробираясь через ледяную преграду ужаса, пытался взять себя в руки, что у него начало получаться. Он отбросил все мысли из головы. И, будто загнанный в угол зверь, понимал, что нет другого выхода, кроме как либо бежать, либо сражаться. И поэтому он на время осмелел и начал готовиться к бою с тем, кто с ним разговаривал. Или же Эрик просто медленно сходил с ума, уже толком не контролируя свои эмоции.

– Покажись, тварь! – крикнул он с нотами злости в голосе, а в ответ услышал лёгкий смех, разлетающийся эхом.

Тут Эрик вспомнил фразы, которые ему сказал тот скелет. И парень, мечась от одних мыслей и эмоций к другим, уже запутался в собственном страхе и словах в голове.

– Стой! Манфисталь! Готинейра! – резко опомнился он. – Я ищу Готинейру! – вспомнил Эрик одно из имён, названное Лином.

– Готинейру? – спросила носительница голоса, рассмеявшись. – Значит, с тобой не всё так просто.

– Ты... кто?! Та самая кошмарная сестрица?! Стоп. Я начинаю вспоминать, – последние слова он сказал уже сам себе, приходя в трезвое состояние ума. – Лин! Он сказал эти имена!

– Лин? Ты произнёс его имя? – замешкалась говорящая из тьмы. – Ищешь Готинейру? Интересно, ты всё больше становишься загадкой. Сначала я решила, что ты случайно сюда забрёл по незнанию. Но теперь, когда ты упомянул эти имена... я хочу знать подробней.

Звук механизмов донёлся откуда-то снизу. Потом последовал тяжелейший удар с металлическим отзвуком, а за ним ещё один. Что-то запыхтело, но быстро замолкло. А из, казалось, растянувшейся внизу бездны поднялось облако до одури горячего пара.

Эрик увидел, как, появившись снизу, в одну из чугунных балок впилась стальная ручища, огромная, переплетённая медными и прозрачными трубками с циркулирующей в них жидкостью. Затем вторая лапа появилась из тьмы, и теперь напрягала свою гидравлическую часть, поднимая из мрака огромную тушу в форме механического паука, имеющего размеры с половину автобуса.

Машина карабкалась по чугунным балкам к Эрику, который уже пытался придумать дальнейший план действия.

– Значит, ты ищешь Готинейру? – сказала девушка, прикреплённая ремнями к здоровенному передвижному устройству.

Она, пилотируя машину, скребла пальцами по тумблерам, заставляя аппарат двигаться. Брюхо у механического паука представляло из себя сшитый сварными швами каркас, в котором активно работало некое подобие ткацкого станка. Помимо него там находилось ещё несколько устройств, напоминающих швейные машинки, но более изощрённые.

И вот паук, закрепившись на опорах, остановился в двух метрах от Эрика, который наблюдал пилота машины. Это и вправду оказалась девушка, одетая в роскошное платье, начинающееся с корсета, плавно переходящего в широкую, пышную юбку, которая, снисходя до колен, чередовалась слоями красного и чёрного кружева. На ногах балетки. Лоб целиком покрыт узорчатой чёрной пластиной, чьи резинки, на которых она держалась, прятались глубоко под волосами.

Сама же жительница этих фантастических апартаментов имела на удивление большие и выразительные глаза, чарующие своим взглядом. И в этом было что-то чуждое. Чёрные волосы, опускаясь ниже плеч, плавно переходили в кудри. Выделяющиеся длинные ресницы, которыми она хлопала, изучая Эрика подозрительным взглядом тёмно-карих глаз. Парень пытался хоть приблизительно прикинуть её возраст, как-то невольно всматриваясь в лицо. Но оно настолько белое от пудры, что тщетные попытки определить возраст девчушки не увенчались успехом. А голос её до странности неестественно приятный.

Она, водя бледными руками по пульту управления пауком, скребнула пару тумблеров, заставив машину поближе приблизиться к парню. Затем девушка протянула руку к лицу Эрика, поставив один из пальцев ему на лоб, и начала внимательно изучать его лицо. На каждом пальце напёрсток, а самих пальцев по четыре на руке, что прямо говорило – перед Эриком не человек.

– Точно не отсюда, – сказала она, и убрала руку. – Но ты лично знаком с Лином, и он просил тебя найти... Манфисталя? А ещё Готинейру. Ты понимаешь, что я не знаю, что думать по этому поводу?

– Будто я что-то понимаю, – проговорил он сквозь стиснутые зубы, стараясь не показывать свой страх. – Ты здесь хоть живёшь, верно? А я тут от силы минут десять нахожусь.

Подозрительный взгляд девушки продолжал оставаться застывшим. Она даже бровью не повела.

– Это ты завернула меня в кокон? – не моргая, спросил Эрик, прервав паузу.

– Видишь ли, ты из неоткуда появился тут... телепортировался, да ещё в этом убогом тряпье. Мне пришлось скрыть твою рванину от своих глаз. Как же мерзко она выглядит.

– Что? – опешил Эрик. – Что в ней ужасного? Ты та самая кошмарная сестрица, ненавидящая такую одежду? Но почему?

– Потому, что нет на свете ничего ужаснее безвкусного и отвратительного, чем сшитое для зверья нательное покрывало. Вот как, скажи мне, можно откровенное шарлатанство выдавать за гений портного ремесла? А ведь находятся дураки, которые это ещё и натягивают на свои косточки. Ты же надел на себя эту гниль фантазии. Кто из твоего мира считает это тряпье великолепным? Любители безвкусицы, которые боготворят создателей за «оригинальный шедевр», который с кислыми минами штампуют полчища бедолаг в катакомбах? Мерзость. Великое искусство превратилось в круглосуточный конвейер, где погоня за оригинальностью переросла в безжизненную гонку блюющей самыми отвратительными отбросами фантазии, запоров саму сущность портного ремесла.

– Ох... я даже подумать не мог, что тебя это настолько заденет, – насторожился он, уже ожидая чего-то плохого.

– Э вон как мягко выразился. Одежда... это не просто тряпье! Это второй облик, вступающий в симбиоз с её носителем, складывая и преумножая качества своего хозяина, подчёркивая его сильные стороны и скрывая слабые, придавая ему совсем иную сущность, а порой пере-

воплощая. А если уж так хочется согреться, то и тряпка подойдёт! – с маниакальным настроением говорила она. – Может... ещё выплеснуть ведро краски на холст и назвать это шедевром, парируя любую критику абсурдностью мыслей? Ну, так давай, раздевайся догола, я обмажу тебя барсучьим салом, обмотаю твоё тело рулоном ткани, а потом заявлю, что получившийся кошмар – это уникальный дизайн, являющийся вершиной искусства, гением портного ремесла! А кто не согласен – тот просто не имеет вкуса!

– Тихо-тихо, – произнёс Эрик, пытаясь успокоить девушку. – Я же ничего такого не говорил.

– Я бы и не стала тебя слушать. Раз ты носишь такое, то грош цена твоему вкусу.

– Но ведь... слушай, мир, откуда я пришёл... там с одеждой всё обстоит иначе. Я оделся в это для ночной прогулки, а не красоваться перед кем-то.

– Я тебе уже всё высказала по этому поводу. И, знаешь, выбросила бы тебя вон, но о твоём нахождении здесь позаботился сам дядюшка Лин!

– Стоп. Дядюшка?

– Ну да, вот и весь секрет того, почему ты ещё здесь. Странно, конечно, что он доверился такому, как ты. Но... если он тебе доверяет, раз послал найти Готинейру, то и мне придётся тебе... не довериться, но... что-то такое. Не знаю, как это назвать.

– То есть, ты меня не собираешься убивать?

– Убивать? – рассмеялась она. – Даже в мыслях не было.

– Тогда что за манекены вокруг? Я думал, это какие-то переделанные люди.

– Нет, просто манекены, которые мне некуда деть. Завёрнуты, как и ты, в хлопковые нити.

– Спасибо за разъяснение, а то я уже напридумывал себе всякого... – он сам не понимал, как ему успешно получается вести диалог, вовремя подбирая нужные слова.

– Не за что. А на счёт поисков... Манфисталя я не знаю, а вот Готинейру... вполне.

– И... кто же это?

Девушка широко улыбнулась.

– Она перед тобой, – заявила черноволосая, скрестив руки на груди. – Готинейра, либо просто Готи.

Рот Эрика слегка приоткрылся.

– Вот же не ожидал такого, – он поворочался внутри кокона от неудобства. – Слушай, прежде, чем я продолжу... эту штуку можно как-то снять с меня? – его страх уже поутих достаточно, чтобы парень мог чувствовать себя более-менее спокойно.

Готи перевела взгляд в сторону, моргнула, и опять посмотрела на Эрика, подняв правый уголок губ. Без всяких слов она достала ножницы из кожаной сумки, прикрепленной рядом, на паровой машине, и, наклонившись вперед, начала разрезать ткань кокона. Когда парень оказался свободным от своей тюрьмы, то начал падать вниз, приземлившись в глубокую гору ваты. Здесь было слишком темно, но отсюда открывался красивый вид на все чудеса помещения башни.

Готи, управляя механическим пауком, спустилась к Эрику.

– Ну, как ощущения?

– Очень смешно, – возмутился Эрик, , хоть и пытался не показывать своих эмоций, чтобы как-о не разозлить девушку

– Ладно, хватит этого цирка. Что-то мне подсказывает, что он ещё будет с избытком.

Механическая лапа потянулась к парню, взяв его, и, достав из ваты, подняла и поставила на балкон, который прятался во тьме. Эрик обнаружил рядом с собой одетый манекен.

– Если хочешь продолжить, то надевай этот костюм, – безразлично сказала Готинейра, отвернувшись. – Я подожду, – она включила прожектор, чтобы Эрику было удобнее.

Парень хотел возразить, но опомнился, что он не в особо выгодном положении для спора. Ему пришлось повозиться, снимая с манекена одеяния. Рубашка из ярко-бордового шёлка, а поверх неё фрак без рукавов и с высоким воротом. Ткань на задней части, ниже пояса, разделялась на две полосы, похожих на крылья жука, что свисали до уровня колен, заостряясь в самом конце. Матовые, тёмные штаны, а рядом с манекеном высокие, чёрные, кожаные, а ещё немного лакированные то ли ботинки, то ли мужские туфли, либо своеобразное подобие коротких сапог. Фрак, стоит уточнить, скорее напоминал мантию в связи с нестандартностью фасона: вроде приталенный, но при этом выглядящий свободно из-за складок, которые совсем не портили вид, наоборот, придавали некую изюминку. И вся ткань, словно живая, иногда размывала собственные границы, походя на чёрный, как смоль, дым, временами трансформирующийся в головы каких-то зверей. И, опять же, несколько трубок, состоящие из сегментов, проходили через всё одеяние, придавая большей фантастичности. Непонятно их значение, но парень чувствовал, как они упираются в кожу, присасываясь.

Во время процесса облачения в костюм ткань так легко и приятно скользила по коже, что надевать это чудо было одним удовольствием. Эрик никогда не ощущал на теле одежду такого чужеродного, но мрачного и чем-то манящего стиля. Да, она чем-то напоминает ту неформальную готическую одежду. Но максимум стилем. Эта же словно шилась для тех, кто повелевает королями. Она не просто сидела на теле, а повторяла его контуры в нужных местах, скрывала недостатки там, где сама хотела. Она, как живая, довольствовалась сидением на теле, подобно ожившей, клубящейся тьме, преисполненной некой сладостью и собственными желаниями.

– Вроде всё, – сказал Эрик, закончив.

– А те обноски скинь вниз, – Готинейра повернулась.

Эрик пнул ногой свою старую одежду, и та повалилась с балкона вниз. Механический паук тем временем своей лапой коснулся неосвещённой части стены, потянув какой-то рычаг. Позади Эрика медленно отворилась дверь, сдвигаясь в бок. Яркий свет, вырвавшись из открывшегося прохода, ударил в глаза, привыкшие к полумраку.

– Заходи, – велела девушка, тем временем заставляя паука максимально близко подползти к балкону.

Парень зашёл внутрь, сильно щуря глаза от яркости освещения, но когда привык, то прекратил, сумев рассмотреть зал, в который попал. Интерьер в готическом стиле с преобладанием чёрных и бордовых оттенков. Здесь были жуткие каменные колонны; а под потолком своды, с которых свисали люстры, освещаая апартаменты светом таящегося внутри пламени, даруя свою драгоценную зарю полчищу манекенов, коих здесь насчитывалось под сотню.

. В последние минуты Эрик видел слишком часто эти агрессивные цвета, но это место ему казалось всяко лучше того вагона, в который он впервые ступил.

Готинейра, пока Эрик осматривался, отстегнула ремни, удерживающие девушку на месте пилота, и ступила на балкон, оставив механического паука, закрепившегося на стенах, стоять без движения. Готи оказалась небольшого роста, на полторы головы ниже Эрика, что её макушка была на уровне груди парня. Пальцы длинные, костлявые. И девушка это явно скрывала, сжимая их в кулак.

Она, мягко ступая, как кошка, зашагала в сторону парня, заострив на нём взгляд. Для Эрика это выглядело странно, будто девушка что-то задумала. Её чересчур выразительные брови и глаза брали на себя всё выражение её настроения. Никаких жестыкуляций. Она спокойно, не шевелясь, стояла, лишь иногда чуть поворачивая и наклоняя голову при выражении скупого недовольства.

– Что ты так на меня смотришь? – подозрительно спросила Готи.

– Я не смотрю, – Эрик перевёл взгляд на ближайший стол, на котором валялись рулоны ткани, ножницы, мелки и прочее.

– Неважно. Давай, рассказывай всё по порядку. Что произошло? И как ты тут оказался? – девушка села на ближайшее кресло, жестом предложив Эрику сделать то же самое.

– Ну, – начал он, тоже присев, – если не вдаваться в подробности, то Краус вёл меня через вагоны... куда, я так и не понял. Мы дошли до портала, который должен был доставить меня, как сказал Краус, в нужное место, но что-то произошло. Всё начало рушиться, и Лин, судя по его реакции, будто готовился к такому. Но, видимо, не совсем... ведь прямым текстом сказал, что в одиночку он не справится, и ему нужно найти какого-то там Манфисталя... ну, а я, похоже, единственный, кто подвернулся под руку для помощи.

– Да уж, странная история, – задумалась Готи, скрестив руки на груди. – Дядюшка Лин... попросил тебя о помощи? Какого-то пассажира? Это же что там такое происходило, из-за чего он так отчаялся...

– Он сказал, что ты можешь помочь в этом деле.

– Это я уже поняла. Только никакого Манфисталя знать не знаю. Так что... я тебе не помогу, – пожала она плечами.

Эрик мог только догадываться, в какую историю впутывается. Нет, в какую историю он уже впутал себя, согласившись тогда зайти в вагон. И выбора у него уже не было, кроме как отдаться течению событий и постараться закончить всё это.

– Может, есть кто, знающий об этом Манфистале? – предложил Эрик.

– Если подумать, то... – она, не успев закончить, замолчала.

– То? – переспросил парень, наблюдая, как черноволосая задумчиво уставилась в стену.

– Хаос. Он может знать, – ответила она, ловя на себе непонимающий взгляд парня. – Это хранитель истории... этого города. Или поезда. Как тебе удобнее называть. Хаос знает всё о каждом, кто здесь существует. И наверняка имеет информацию о Манфистале.

– Постой. Какой ещё город?

– А ты ещё не понял? – мило улыбнулась Готи, будто умиляясь такой неосведомлённости. Она поднялась с кресла и подошла к большому занавесу. – Всё это место – самый настоящий город, путешествующий между мирами, – с воодушевлением заявила она, потянув за канат, тем самым заставив занавес распахнуться.

Открылось во всю стену огромное окно, исписанное стальными лозами. А за толстым слоем стекла живописный и удивительный вид. Поезд двигался по мосту, стоящему на тысячах высоченных подпорках, выглядывающих из густого тумана бездны, расстилающейся под составом, подобно космосу. Вдалеке километры острых гор, и над их вершинами кружили полчища летающих существ. Небеса заволокли тучи, а меж ними постоянно проносились зигзаги молний, исписывая небосвод неизвестными символами.

Эрик, разинув рот, застыл от осознания происходящего, ведь теперь получил ответ об истинной природе сего поезда. Парень поднялся с кресла, медленно подошёл к окну, положив руки на стальные лозы, и начал наблюдать пейзаж, одновременно пытаясь уложить все полученные знания в голове.

Прошло какое-то время, прежде чем Готи дождалась, пока Эрик отойдёт от ступора.

– Чаю?

– А? – опомнился парень.

– Ну, это растение такое. Заваривают в воде, – пояснила Готи, сидя в кресле и попивая горячий чай.

– Когда ты успела? Только что же ничего не было, – удивился Эрик, отходя от окна.

– Ты стоял там достаточно долго. Я решила тебя не тревожить... ну, чтоб ты собрался с мыслями, привык к тому, что узнал... и всё в этом роде. Ну и пока ты восстанавливался, то я заварила чаю, – она сделала глоток из чашки.

– Ты говорила о каком-то Хаосе, – неожиданно вспомнил Эрик, проигнорировав приглашение к чаепитию. – И где же он находится?

– Не так, чтоб очень далеко, но достаточно. Легче всего к нему попасть через порталный вагон. Они, собственно, и нужны для облегчения передвижения по сотне километрам поезда.

– Сколько?! – с придыханием выдал он из себя вопрос.

– Где-то восемьдесят вагонов. Если быть точнее, то примерно восемь сотен с небольшим, либо почти тысяча. Точно не помню. Но уж никогда не забуду, как я на спор устроила марафон. Решила пешком преодолеть весь состав. Да уж, так я ещё не ошибалась. Через семь часов безостановочной ходьбы уже ноги отваливались, а за плечами всего километров тридцать.

– О, какая история. А я думал, что настолько ненавистен тебе, что ты даже имя своё не захотела бы говорить.

– Я тебе уже всё объяснила. Ты внезапно очутился в моём доме, да ещё одетый таким нетерпимым для меня образом. Что мне было думать? Может, ты вообще какое чудище. О какой гостеприимности могла идти речь?

– Чудище? Неужели я такой страшный?

– Это образно. К тому же, пока ты стоял у окна и приходил в себя, мне хватило времени привыкнуть к тебе и успокоиться. Всё же, я не увидела в тебе ничего опасного. Ты похож на меня. Правда, ростом выше, да и пальцев у тебя целых пять штук на каждой руке.

– Ну, хоть это радует. А то я сперва подумал, что ты собиралась меня... съесть. Ну, когда на том пауке появилась.

От услышанного девушка поперхнулась чаем.

– Да у меня такого в мыслях не было! – засмеялась она, ставя чашку на стол. – Я бы просто вышвырнула тебя куда подальше. И всё. Кстати, я же до сих пор не знаю твоего имени.

– Эрик. Эрик Саммерс.

– О. Ну, теперь могу сказать, что рада знакомству.

Вдруг оба ощутили лёгкую тряску. Чайный сервиз слабо забренчал, люстры слегка пошатнулись.

– Это ещё что? – крайне серьёзно удивилась девушка, поднимаясь с кресла. – Ты об этом говорил?

– Именно, – вздрогнул Эрик, обрадовавшись встряске, которая служила доказательством его слов.

– Никогда такого не было. Но... поезд не разрушим, так что бояться не стоит.

– А как же то, о чём я тебе рассказал? Разрушение вагона, где я последний раз виделся с Краусом?

– Не знаю. Это слишком странно, – растерялась девушка, проведя рукой по волосам, – и даже мрачно. Понятия не имею, что именно там произошло, но лучше давай выдвигаться. Если дядюшка Лин поручил какому-то пассажиру найти невесть кого... значит, что-то действительно серьёзное. Кстати, это, наверное, твоё, – тонкий палец указал на изогнутую рукоять, лежащую на столе.

– О, тот самый багаж, – глянул на странную коробочку Эрик. – А что это, не знаешь?

– Нет. Но похоже на своеобразный футляр. Там видны петли, но открыть мне не удалось. А почему спрашиваешь? Разве это не твоё?

– Не думаю. Но то существо в приёмной, когда искало мой багаж, уверило, что это принадлежит мне. Ну... пусть уж будет, вдруг понадобится.

– Тогда бери и пойдём. Можешь пристегнуть этот свой багаж к поясу. Если не заметил, то на этой штуке есть выемки для такого.

Эрик подошёл к части стола, где лежит вещица, поднял её и осмотрел.

– А ведь верно, – заметил он места для крепления, на которые пристегнул эту непонятную вещь к поясной части одежды.

– Ну, теперь можно отправляться. Ох, как это будет непривычно. Я очень давно не покидала своего дома... этот вагон, то есть. Ближайший порталный вагон близко. Но придётся пройти через Великановы апартаменты. Это определённое количество вагонов, где живут великаны.

– Великаны?!

– Да ты не бойся. Главное, чтобы Орфея не встретить, – Готи выдавила из себя слишком наигранную улыбку, и зашагала к воротам в другой конец зала.

Она взялась за золотые ручки, потянув их на себя и отворяя дверь. Перед глазами открылся вид на дюжину лестниц, чьи ступеньки покрыты коврами. Самая центральная лестница тянулась на один этаж выше, правая и левая от неё вниз, а самые боковые так вообще искривлялись таким образом, что оканчивались на стенах. Даже двери в тех местах повёрнуты на девяносто градусов. Это было промежуточное помещение между двумя вагонами, но изолированное настолько хорошо, что внешние звуки, стук колёс и работа двигательных систем поезда вообще не слышны. Только чьё-то заглушённое оперное пение сильным сопрано.

– Пойдём, – позвала Готи парня, а сама уже всю поднималась по центральной лестнице.

– А куда ведут другие? – спросил Эрик, шагая по ступенькам.

– Те, которые вниз, к обходным коридорам. Не особо удобно передвигаться по составу через основные помещения, поэтому существуют специальные тоннели. По ним даже можно на чём-нибудь скакать, чтоб сэкономить время. Но не всегда эти коридоры сделаны удобно. Иногда просто проходят через само помещение вагона, как балконы, например.

– Но мы же сейчас точно не в обход пошли?

– Это сделаем в следующем вагоне. Сейчас мне нужно кое-что узнать у мадам Таселлири. Слышишь её?

– Пение? Это она? – прислушался Эрик.

– Вот, сейчас ещё и увидишь, – Готи уже начала открывать двери.

– Знаешь, а тут не так уж и ужасно. Сперва всё было похоже на какой-то кошмар, а теперь я вижу вполне шикарные... – не успел парень договорить, как увидел через открывшиеся двери содержание зала. – Что это, чёрт возьми, такое?

– Мадам Таселлири, – улыбнулась Готинейра.

Мягкое и медленное исполнение женским сопрано неизвестной оперы заполняло зал десятиметровой высоты; очень протяжённый, имеющий три этажа эмпор, предназначенных для перемещения здесь. С ряда сводов свисало подобие гигантской змеи, собранной из тысяч ярких лампочек. А почти по всей площади стометровых по протяжённости апартаментов прямо в воздухе, как в невесомости, зависла толща мыльной пены. И в неё погружена исполинских размеров туша мадам Таселлири.

Она имела внушительный рост, примерно десять метров. А её чрезвычайно пышным формам позавидует даже самый откормленный хряк. Великанша, подвешенная на толстенных цепях, передвигающих женщину по комнате с помощью потолочных рельс, принимала ванну, погружённая в толщу зависшей, словно в невесомости, пены.

Оглушительный голос мадам Таселлири заставлял стекла в высоченных арочных окнах вибрировать, а частицы пены разлетаться по залу, оседая повсюду. Сама великанша плавала в своеобразной ванне с помощью цепей, переносящих по территории комнаты стотонную тушу.

Готи с Эриком вышли на эмпору, идя вдоль перил и наблюдая за необычным зрелищем. Девушка, остановившись, крикнула:

– Мадам Таселлири!

Оглушительное пение прекратилось.

– Что? Кто здесь? – звонким, хоть и слегка хрипловатым старушечьим голосом спросила великанша, высунув своё морщинистое, размером с автомобиль, лицо из пены.

– Это я – Готи!

– Кто-о-о? – непонимающе протянула обитательница вагона.

– Готинейра!

– А! Как давно я не видела тебя, солнышко моё! – заголосила Таселлири, хватаясь гигантскими ручищами за колонны и притягивая себя ближе к эмпорам. – Пришла навестить свою очаровательную тётю?! А кто этот красавец рядом с тобой?

– Она мне не тётя, – шепнула Эрику девушка, почти не шевеля губами. – Да, тётя, вы абсолютно правы! – теперь Готи обращалась к великанше.

– О, как это мило! И как же зовут твоего ухажёра?!

– Нет, я не про него! Я имела ввиду, что да, вы правы, я пришла вас навестить!

– Что? На... вестить? Примите моё почтение, Вестить! А я – Дельхария Таселлири!

– Нет, это – Эрик!

– Вестить Эрик?! Чудесно! – пропела Таселлири, сотрясая воздух хлопаньем в ладоши. – Так что ты, солнышко моё, хотела узнать?

– Мастер Орфей у себя? – прокричала Готи, наполненная надеждами на негативный ответ.

– Да, золотце моё, он сейчас там!

– Этого только не хватало... – она заметно разволновалась.

– Что случилось? – спросил у неё Эрик.

– Неважно. Главное не попасться ему на глаза. Спасибо, мадам Таселлири!

– Не за что! Приходи ко мне ещё, я угощу тебя новым сортом своего замечательного чая! – проголосила она, достав из пены кучу листьев, и бросила их в воздух.

– Хорошо, обязательно приду! До встречи! – поспешила попрощаться девушка, и сразу пошла с Эриком дальше, слушая, как великанша вновь начала петь.

Когда парочка дошла до конца вагона, то поспешила его покинуть, поскорее зайдя в смежное помещение – в тамбур.

– Что за Орфей? И почему так не хочешь попасться ему на глаза?

– Неприятный тип, – отмахнулась девушка. – Нам действительно не стоит с ним пересекаться, иначе мы здесь застрянем надолго. Ты-то точно.

Готинейра с Эриком прошли дальше, очутившись на балконе, в месте, очень похожим на покои мадам Таселлири. Но в этот раз огромный бальный зал, исполненный в смешанном стиле барокко и чего-то ещё. Белые, с детальной прорисовкой мышц, мраморные скульптуры, иногда обшитые по фигуре гобеленами, образовывали своим строем стены. Некоторые вытягивали руки, держа сияющие сферы, украшенные золотой оболочкой узоров. Другие статуи в определённых местах меняли своё положение, выстраивая телами форму и обрамление окон, состоящих из толстенных слоёв кварца.

Золотые части, изображающие фрактальные узоры из геометрических фигур, наложены поверх стен, но ближе к потолку и окнам. Серебряные трубы и дымчатые слои краски вырвались из ртов самых верхних скульптур, уходя в потолок, впиваясь в красочные потолочные росписи: сюрреалистические изображения бала и войны.

Это помещение оказалось в разы больше, чем предыдущие, хотя снаружи каждый вагон, несмотря на незначительные различия, одинаковы по размерам. Впрочем, как девушка уверила парня, это нормально для поезда, и вагоны, невзирая на свою небольшую ширину в восемь метров, внутри могут иметь более фантастические просторы, чем кажется изначально.

– Но почему так? – не мог понять Эрик. – Это иллюзия восприятия или что-то другое?

– Это двойное пространство. Не разбираюсь в этом, но оно каким-то образом меняет размеры внутри. Что-то вроде помещения одного пространства в другого. Одно сжимается и помещается в другое. Магия, одним словом. Ай, не особо в этом понимаю. Давай лучше сконцентрируемся на Хаосе. Нам нужно обойти этот зверинец, – она взглядом указала на присутствующих на бале.

Эрик, наблюдая с балкона, видел, как внизу зала, в танце ступая по шахматной плитке, десятки пар, чьи лица скрыты под масками, в пышных нарядах исполняли котильон, профессионально выписывая своими телами чётко отточенные, плавные, грациозные движения.

Сей искусный процесс происходил под сопровождение игры оркестра, расположившегося в самом в конце зала. Музыканты играли под руководством кого-то, чья фигура отсюда, с балкона, показалась Эрику невероятно знакомой.

– Готи! – крикнул парень прямо над ухом девушки, стоящей рядом. – Это же Краус!

– Эх, если бы. Всего лишь его проекция. Он же ещё и дирижёр помимо других обязанностей. Да много кто. Никогда не успевал бы быть везде одновременно, поэтому просто записал все свои движения с палочкой на ту установку, – Готи достала маленький бинокль и вручила Эрику, указывая пальцем на позолоченную, стоящую у края сцены, коробку, транслирующую голограмму Крауса.

Стоило танцу и музыке окончиться, то повисла секундная тишина, прерванная выбежавшим огромным толстяком, раздутым, как шар. Эрик, опираясь на перила, глянул ровно вниз, пытаясь с десятиметровой высоты увидеть место, откуда появился трёхметровый великан.

– Там внизу есть, – говорила девушка, – место с тронами, где сидят всякие гости. А этот... обычно рядом с ними, – объяснила черноволосая.

– Браво, браво! – выбежал здоровяк в зал, радостно восклицая оглушительным тенором и хлопая в ладоши. – Какая грация, какие движения! – он никак не мог унять свой восторг, проталкиваясь меж пар, едва успевающих шархататься в стороны, чтобы не быть сбитыми с ног.

– Эй, Эрик, ты здесь? – Готи пощёлкала пальцами перед носом парня.

– Да здесь я, здесь. Прекрати, – отклонился он назад. – Просто засмотрелся. Кто это вообще такой?

– Это... Орфей. Тот, о ком я тебе говорила, – вслед за сказанным последовал тяжёлый вздох. – Вечно он устраивает бал на потеху гостям. Сегодня, слышала, к нему пришёл некий Атропос. Сидит там внизу где-то, отсюда не увидишь.

– Орфей? Это его ты не терпишь?

– Да, и не спрашивай о причине. Просто пошли дальше. По этим балконам мы обойдём бал и сможем остаться незамеченными. Только есть один неприятный момент.

– Какой же?

– Видишь лестницы? – она указала в дальнюю часть зала, где несколько этажей балконов соединены крутыми ступенями. – Придётся в итоге спуститься там, чтоб пройти в коридоры. Так мы сможем избежать прогулки по основному помещению вагонов. То есть, пойдём по коридорам, а не напрямую через вагоны.

– А почему мы сразу не сделали так в этом вагоне? Тебе бы не пришлось опасаться Орфея.

– Здесь обходных коридоров. Только балконы – они единственная возможность не идти через бальный зал, – пояснила она. – Не идти через эти танцульки, – Готинейра недовольным тоном подчеркнула последнее слово.

И вот они пошли через всю длину протяжённых вдоль стен балконов. На пути редко попадались зрители, глазающие на творящееся внизу. Народу было тем больше, чем ниже этаж балкона. То есть, на самом первом, что на одном уровне с бальным залом, публики столько, что удивительно, как они не передавили друг друга в таком тесном столпотворении.

– А по тебе и не скажешь, что ты не любишь танцы, – сказал Эрик, обратив внимание на очень плавную и умелую, с нотками грациозности, быструю походку Готинейры.

– А как их можно любить, если этот приду... – она вздохнула, странно изменившись в лице. –прекрасная персона, я хотела сказать...

– Охо-хо, как ты о нём отзываешься, – парень сразу по тону её голоса понял, что она по неизвестной ему причине в высшей степени терпеть не может Орфея.

Видимо, толстяк ей чем-то очень сильно насолил.

– А как мне о нём говорить? Чудо, мучившее маленькую девочку всё её детство? Этот недоделанный репетитор по танцам измывался надо мной постоянно, – она ускорила шаг, с силой ступая на пятку.

– Стоп. Так это твой бывший репетитор?

– Очень смешно, – сквозь зубы процедила она. – Посмотрела бы я, как ты запоёшь, если он тебя заставит учиться танцевать по своему гениальному методу, – всё активнее ругалась она, но потом резко успокоилась. – А, ну его.

Пока они, идя по длинному балкону, пробирались через столпотворение зрителей, в зале вновь всё оживилось. И когда Готи с Эриком добрались до конца балкона и спустились ниже, то перед ними должна была очутиться дверь в коридор. Но вместо неё лишь завал, а именно обрушившаяся часть стены и потолка.

– Что за чертовщина!?! – возмутилась девушка, таращась на кучу обломков.

– И как же нам пройти дальше? – парень обратил внимание на ещё один проход, но уже свободный. – Эй, как насчёт того?

– Что? Нет, это на нижний этаж. Там, конечно, можно попасть в следующий вагон, но только придётся идти через главный зал. А там Орфей со своими гостями. И если меня увидит... Ух, не хочу, – её аж передёрнуло.

– И-и-и... что теперь делать тогда? – Эрик развёл руками, прикидывая другой план, но, не зная местности, понимал свою беспомощность в решении нависшей проблемы.

Девушка растерялась. Начала думать. Но, судя по выражению её лица, особо успешные мысли в голову не приходили. Эрик ещё пару раз предложил пройти через бальный зал, на что девушка сначала отвечала отказом. Но затем, осознав отсутствие других вариантов, угомонила своё упрямство и неприязнь, согласившись следовать таким путём.

Когда они, пройдя через балкон второго этажа, спустились в сам зал, а точнее ближе к его центру, то Готи моментально спряталась за парня. Зал кишел сотнями, одетых в великолепные и красивейшие одежды, различных существ, и это играло на руку.

– Быстрее, бери маску, – спохватилась черноволосая, схватив со стоящего рядом стола маску и поскорее надел её на лицо.

– Что ты задумала?

– Сольёмся с толпой. Нужно дойти до тех врат, там рядом есть двери поменьше. Через них и выйдем.

Эрик понятливо кивнул, взял маску и надел. А потом они оба пошли в сторону выхода сквозь полчище разнообразных существ, стараясь никого не задеть, сохраняя при этом естественность движений, будто просто прогуливаются, будто являются одними из здешних созданий.

Сейчас был антракт. И пока гости, толпясь, ожидали начала следующего танца, то вели беседы между собой.

– Видишь его? – шёпотом спрашивала девушка каждые десять секунд, прячась за спиной Эрика.

– Нет, успокойся уже. Нет его здесь, – ответ парня не прекращал быть отрицательным.

Они почти добрались до нужной двери, как за спиной неожиданно раздался насыщенный высокими нотами рёв:

– Готинейра! – вынырнул из толпы, разогнувшись в полный рост, Орфей.

Перед ними обоими, как медведь на задних лапах, неуклюже стоял тот самый громила. Удивляло, как с такими округлыми формами он умудрялся стоять на ногах, если его жировые прослойки торчали отовсюду, натягивая чуть ли не рвущиеся швы одежды. А морда широченная, будто вытянутая в стороны вместе с пастью.

– Как я рад тебя видеть! – восторженно прорычал он.

Внимания на такой громкий говор никто из публики не обращал.

– Не-е-ет! Вы, должно быть, ошиблись, – запищала девушка искажённым голосом, усердно стараясь не выдать себя.

– Ой, ну брось, принцесса! Эту походку я узнаю из тысячи! – он ловко сорвал маску с лица девушки, что даже Эрик не успел уследить за движением его лапищи. – Ага, я же говорил! Как грубо, барышня, обманывать своего учителя.

– Ну что вы, мастер Орфей, я просто решила устроить вам сюрприз, – ничего лучшего Готи не нашла в качестве оправдания.

– О, как это мило, – огромная улыбка толстяка обнажила золотые зубы. – У меня тоже есть для тебя сюрприз. А это, позволь узнать, твой кавалер? – здоровяк голодно уставился на Эрика, один глаз щуря, а второй вылупив.

– Э, да, верно! Вот, только что закончили с ним танец, – очевидно, Готинейра готова была сказать любую чушь, лишь бы поскорее убраться отсюда.

– Окончили, говорите? А я вас и не заметил. Ну, ничего. Тогда вам, думаю, будет не сложно, а даже в радость станцевать нашему уважаемому гостю!

Орфей неуклюже развернулся в сторону нескольких тронов, красующихся на пьедестале. Все престолы внушительных размеров пустовали, кроме одного, величественно красующегося в самом центре. А на нём, сложив мохнатые лапки на золотые подлокотники, восседало чудовищное существо: жуткое насекомое, сопоставимое размерами с белой акулой. Полосатое брюхо, величиной в половину длины тела, сползло на пол. Глянцевая верхушка панциря вдавливалась в обитую бархатом спинку трона. Голова существа неподвижна. Только длинные, похожие на стальные тросы, трёхметровые усики с крупными волосками иногда подёргивались. Пышный мех, растущий в районе шеи, украшен расплывчатым узором зловещего черепа.

Наводящий ужас своими размерами мотылёк, жуткий бражник мёртвая голова, едва умещался на троне, чья конструкция чуть ли не трещала под натиском здоровенной туши.

Орфей, схватив Готи за руку, как игрушку, воскликнул:

– Внимание всем! – начал он, и все присутствующие на бале расступились. – Я желаю вам, дорогие мои, и вам, ваше величество Атропос, представить мою самую первую и лучшую ученицу, чьё мастерство не удалось затмить никому!

В тёмных глазах Готи читалось одно желание: сгореть от стыда и ненависти. Повезло, что такой слой пудры, позволяющий приобрести лицу сплошь белый цвет, не выдавал явно покрасневшие щёки, которые в данной ситуации другими быть не могли.

– Итак, дамы и господа, позвольте узреть сей танец, что моя ученица вместе со своим кавалером исполнит специально для его величества Антропоса!

Орфей отошёл, а тем временем Готи прошептала:

– Дура. Как я могла ляпнуть, что танцевала с тобой. Теперь мы здорово попали, – её бровь самовольно задёргалась.

Бессмысленно отрицать глупость ситуации, и большинство бы на месте Эрика растерялись бы. Да и он сам едва сдерживал себя, чтоб не рвануть с Готинейрой куда глаза глядят. Ведь никаким боком не ожидал столь неприятного расклада событий, заставляющего теряться. И пусть одни мысли умоляли бежать без оглядки, другие стояли на ином мнении, веля отдаться другой части дилеммы.

Пока народ вокруг, толпясь, отходил в стороны, освобождая центр зала, Эрик и Готи начали думать.

– И что теперь делать? – волновалась Готи, шепча. – Надо бежать... но это нереально.

– А если станцевать, он же отстанет от нас?

– С ума сошёл? Будто ты что-то понимаешь в этом. Да мы отсюда живыми не уйдём, если ты совершишь хоть одну ошибку.

– Удивишься, но в этом я кое-что понимаю, – неловко ответил Эрик. – Мне доводилось довольно долгое время заниматься такими танцами... ох, как я ненавижу те года юности.

– Серьёзно? Умеешь танцевать? Ты понимаешь, что сейчас врать вообще нельзя? – то и дело оглядывалась она, наблюдая, как все уже заняли свои места.

– Тебе придётся мне довериться. Думаю, я не уступлю тебе в мастерстве.

Орфей, довольно улыбаясь, совершил жест в сторону оркестра.

– Маэстро, музыку!

Существа, восседающие на местах, на возвышенности, парами держали в руках каждый свой инструмент. Проекция Крауса в роли дирижёра возникла из ниоткуда яркой вспышкой под сопровождение густого дыма. Скелет, пощёлкивая зубами, протянул руки вверх, выставив ладони наружу, давая понять своим музыкантам о готовности начать игру.

Этажи балконов заполнены зрителями, каждый из которых внешне человек, зверь, а то и мерзкое чудовище, но все без исключения в роскошных нарядах, скрывая или даже уничтожая ужасную сущность каждого. Публика сконцентрировала внимание на парочке, застыв в интриге, ожидая начала представления.

Готинейра заняла позицию передо Эриком. Девушка была напряжена, совсем не готова к такому моменту. Но парень шёпотом успокаивал её, хоть у него у самого внутри всё дрожало. И черноволосая, сделав глубокий вдох, мысленно отдавшись воле судьбы, посмотрела парню прямо в глаза с искренней верой, наводнившей Эрика настолько, что волнение сгнуло прочь, сменившись на смелость.

Одну руку он аккуратно плавным движением положил на талию девушки, наблюдая её едва приподнявшийся краешек губ и сосредоточенный взгляд исподлобья. Другой рукой он, скользя запястьем по ладони партнёрши, сплёл пальцы в нежной хватке. Девушка, смущённо отведя в сторону взгляд тёмно-карих глаз, коснулась свободной рукой плеча партнёра, сжав его, чуть вцепившись, словно боясь отпустить.

Орфей, дождавшись, когда оба займут позиции, неведомым образом велел оркестру начать игру без всяких слов и жестов. Проекция Крауса положила начало музыке, и в один миг по залу растёкся звук мягкой и неспешной игры струнных инструментов под редкое сопровождение духовых.

Танец начался с неразрывного взгляда, направленного в глаза друг друга. Эрик совершил первый шаг в сторону, потянув девушку за собой, и она послушно последовала его направлению, синхронно повторяя его движения. Редкие шаги обретали темп, перерастая в чёткую последовательность поворотов тел, и чем быстрее и активнее музыканты выбивали чарующий поток нот из своих инструментов, тем энергичнее возрастала серия всё более новых движений.

Девушку закрыла глаза, и, доверившись, убрала руку с плеча, отклоняясь от партнёра всё дальше в водовороте танца. Но другая её рука, сплетённая пальцами с пальцами Эрика, продолжала объединять танцующих в паре. И парень, крепко держа Готинейру, начал кружить её вокруг себя; а партнёрша, скользя носочками ног по гладкому полу, по инерции изящно вращалась вокруг Эрика. Волосы Готи развивались от образуемого потока ветра, а подол платья расправился, даруя значительную грациозность.

Всё, что попадало в поле зрения, смазывалось, и мутные образы походили на калейдоскоп, на фон, не имеющий в эти минуты никакого значения. Одна лишь музыка и аплодисменты публики удерживали сознание от попытки целиком погрузиться в чарующую атмосферу танца.

Готинейра, закрыв глаза и полностью доверившись, в кружении послушно следовала за рукой парня, и, отрекаясь от вращения, оказалась стремительно притянута и прижата вплотную. В следующий миг вновь вернулась серия, играющая с телом в самом начале танца, но быстро обратилась в новое, и девушка теперь, словно карусель, кружилась на месте, отчего её пышный подол платья расправился ещё больше, и чередующиеся красные и чёрные слои кружева только придавали изящности речи её тела, говорящего в эти минуты чарующими для глаз движениями.

Хор инструментов рождал армады нот, разнося их несметными полчищами по залу. Танец подходил к концу, оканчиваясь повтором некоторых движений. А финалом стало то, как Эрик, прижимая за талию Готи к себе, внезапно для неё наклонил девушку перед собой, отчего та прогнулась назад, подобно кошке. Лица обоих оказались почти вплотную, и парень наблюдал, как тёмно-карие глаза сперва преисполнились неким удивлением, а затем их взгляд в смущении метнулся в сторону.

– Bravo! Bravo! – восторгался Орфей, сотрясая воздух аплодисментами вместе с сотнями других зрителей.

Антропос любовался танцем, и даже потрудился поднять свои насекомые лапки с подлокотников трона, чтобы неумело ими похлопать.

– Ну, всё, отпусти... – с какой-то неуверенностью произнесла Готи.

Эрик, приняв изначальную позу, потянул девушку к себе, и вот они уже оба стояли так, как в самом начале. Черноволосая убрала свои руки, стараясь не смотреть в сторону парня. Подбежавший Орфей, сотрясая шахматный пол своим весом, поскорее отвёл обоих подальше, при этом велел гостям начать следующее представление.

Оказавшись в небольшом помещении, похожем на кабинет, окна которого выглядывали на оркестр, Эрик и Готи по гостеприимной просьбе великана присели на мягкие кресла. Сам же здоровяк сел напротив.

– Это было, – он поцеловал два пальца и резко убрал от губ, – великолепно! Поверить не могу, что моя ученица постигла божественное искусство танца даже лучше, чем я мог себе представить! Простите меня, мсье, за мою бестактность. Я слишком поражён стараниями Готинейры, – он поправил воротник торчащей рубашки. – Позвольте представиться теперь. Я –

Орфей, пятый сын Таселлири, учитель искусства танцев и музыки, – он склонил голову в знак приветствия. – А вы, мсье, должно быть, крайне гениальны в своём деле, раз Готинейра выбрала вас?

– Эрик Саммерс, мастер Орфей, – парень склонил голову в ответ, стараясь быть вежливым.

Размеры великана и его жуткая пасть не внушали особого спокойствия. Хоть Орфей имел около двух с небольшим метров роста, но он был очень широким, походя своими формами на огромный шар. Его конечности непропорциональны вместе с телом и головой. Будто бы тело карлика, но огромных размеров.

– Ох, Готинейра, какой хороший у тебя кавалер! – золотые зубы толстяка скалились в улыбке, чья ширина достигала аж целого метра.

Рот у него был настолько большим, что, казалось, туда с лёгкостью бы поместился человек.

– Хе-хе, да-а-а, – как-то растерянно ответила девушка.

– О, я смотрю, ты решила поскромничать. Так может, мсье Саммерс, вы сами о себе расскажете?

Этот вопрос поставил Эрика в тупик. Орфей явно ожидал услышать, что Эрик голубых кровей, либо же просто был гением искусства танцев, а ни каким-то обычным человеком, попавшим сюда по стечению обстоятельств.

Готи вовремя вмешалась в разговор.

– Мастер Орфей, извините меня, я просто хотела сообщить, что Эрик из тех мест, где принято подавать звёздный чай перед тем, как начать знакомство, – волнительно сказала она.

– Ох, как неудобно, извините меня, повторяюсь, за мою бестактность! Я мигом, – он неуклюже поднялся с кресла и вывалился из помещения, направившись куда-то вдоль зала, грубо расталкивая танцующих гостей.

– Готи, что происходит? Если ему требовался только танец, то почему мы после этого сразу не могли уйти, придумав какую-нибудь отговорку?

– Ага, конечно, чтобы он возмутился и устроил скандал? Ты его плохо знаешь. Орфей бы так просто нас не отпустил. Ну, меня точно, а тебя, скорее всего, приказал бы вышвырнуть куда подальше. И поверь, второй вариант тебе бы не понравился. Он может просто взять, и откусить голову любому, кто ему окажется неприятен. Орфей терпеть не может грубость. Да и с головой у него... ну, ты понимаешь.

– Серьёзно? Ух, – Эрик представил не самую приятную картину того, как великан обходится с неудобными ему персонами. – Он сам-то ведёт себя не особо вежливо с теми же гостями.

– Ему нет никакого дело до них. Ему главное лишь себя поразвлечь. А гости лишь... хм. Знаешь, мне всегда было интересно, насколько нужно любить себя, чтобы поднять из мёртвых столько существ и заставлять их мучиться на этом бале веками.

– Погоди. Что? – парень удивлённо посмотрел на Готи.

– А ты думал, будто они здесь по своей воле? Нет. Они просто рабы его магии.

– И ты хочешь сказать, что никто что-нибудь не сделает с этим? Даже Лин?

– Он? Как бы тебе так сказать... Даже не знаю. Этот город устроен слишком безумно, поэтому....

Но не успела она договорить, как дверь в комнату распахнулась, со всего размаху врезавшись в стену. Появившийся толстяк радостно провозгласил:

– Собирайтесь, мои дорогие! Я договорился с его величеством Антропосом, что вы согласитесь с нами отужинать. Вы же не станете отказывать, верно? – он зловеще улыбнулся, в очередной раз угрожающе обнажая зубы.

– Нет, мастер Орфей, что вы. Мы согласны, – Готи поднялась с кресла, слегка толкнув Эрика, намекая, что пора идти.

Тот встал, и они оба вышли в зал, направившись за Орфеем, шедшим впереди достаточно далеко, чтобы парень мог перешёптываться с девушкой, не боясь подслушивания беседы здоровяком.

– И что теперь? – спросил он, наклоняясь к черноволосой.

– Идём в следующий вагон. Там... хм, место для трапезы. Но это скромно сказано. Зато мы продвинулись на один вагон дальше, – улыбнулась она. – А ещё поедим.

– А как же поиски Манфисталя... точнее, пока что Хаоса? Что-то мне кажется, что с такими темпами мы здесь надолго застрянем.

– Что-нибудь придумаем.

Глава 3. Багровое древо

Через определённое время Эрик и Готинейра, сменив вагон и продолжая следовать за Орфеем, уже ступали по мягким коврам, что расстелились вдоль территории крайне броского на вид ресторана. С одной стороны помещения, занимая почти всю площадь стены, расплазалось исполинских размеров панорамное окно: около десяти метров в высоту и сорока в длину. Поверхность стекла, на вид из толстого слоя склеенных кристаллов, исписана зигзагами стальных прутьев, окрашенных в чёрный, а через каждые метров десять металлические узоры, подобно змеям, сплетались воедино, объединяя в огромную часть рамы окна, образуя некое подобие колонны.

Из этой стены-окна открывался живописный вид на мимо проносившийся пейзаж. Синий океан своей бесконечностью раскинулся далеко внизу, уходя за пестрящий яркими тонами горизонт, словно касался двух выглядывающих солнц, пребывающих в вечернем закате. Сам поезд мчался по мостам, проложенным через гущу скал, растущих из глубин океанических вод. Острые шпили гор иногда мелькали за окном, демонстрируя свою необычайную сущность, мрачные цвета и плывущих по воздуху, словно по воде, гигантских змееобразных существ лазурного цвета, явно там гнездящихся.

Они выныривали из океана, взмывая в воздух и скидывая с себя мириады капель, выривая своими движениями различные фигуры в пространстве, и отправлялись к скалам. Но всё же основную часть времени приходилось любоваться закатом и синей пеленой морских вод.

Что же до ресторана, то в нём были круглые столы, накрытые белыми скатертями, которые несли на себе множество различной утвари, хоть и пустой, но количество её так велико, что можно подумать, будто это ни места для трапезы, а склады посуды. Там же, где столики заняты гостями, без исключения все тарелки до краёв заполнены всевозможными супами, а вторые блюда наложены с горками, чуть ли не вываливаясь из посуды. Ко всему прочему, по пустующим столам прыгали бежевого цвета коты, и, совершая движения, приятно хрустели, как свежесдобитый хлеб, как бы странно это не звучало.

Посетители переговаривались между собой о каких-то сбежавших детях. Через каждые два стола находились деревья: они росли прямоком из трещин в полу, они тянулись до самых люстр. Стволы растений подобны переплетениям из зелёных канату. А сами деревья больше походили на огромные, твёрдые, деревянные лозы, имеющие приличную высоту и пышную крону.

– Какой маленький вагон, – подметил Эрик, ведя девушку под руку, пока они оба следовали за Орфеем мимо накрытых столов и присутствующих завсегдатаев.

– Не маленький. Ресторан – лишь часть вагона, – объяснила Готи, изредка поглядывая в сторону. – Видишь дверь? – она указала в самую дальнюю часть помещения.

– Вижу, – взгляделся Эрик, наблюдая даже не дверь, а каменные врата, украшенные барельефами.

– Вот там кухня, вторая часть вагона.

Тем временем Орфей, резко остановившись, пугающе быстро развернулся, своротив рядом стоящий стол, с которого всё рухнуло на пол. Великан даже не обратил на это внимания.

– Ну что же, мои дорогие, вот мы и пришли, – он кинул жест в сторону круглого, довольно большого по площади стола, предлагая присесть. – Вам, Эрик, несказанно повезло, что сегодня вы оказались здесь. Именно в этот день празднуется ежегодный праздник, названный Большим зазором!

– Большой зазор? – в голове парня всплыла картинка, как все, будто свиньи, жадно обжираются, пачкая руки и роняя еду на пол.

– Да, именно! Этот праздник посвящён превосходному и единственному повару этого ресторана. С милым мсье мы сейчас познакомимся.

Эрик, продолжая играть в джентльмена, встал позади одного из стульев и, выдвинув его из-за стола, предложил Готи присесть. Та, судя по растерянному взгляду, не привыкла к подобному обращению, но без возражений аккуратно села, и парень помог ей пододвинуться к столу, а после занял место слева от неё.

Поскольку стол круглый, то Орфей уселся таким образом, что находился перед Эриком и Готинейрой. Своим пузом он упёрся в край стола так, что часть его живота, вываливаясь из-под одежды, даже подпёрла тарелку.

– Надеюсь, вы не против, что я позволил себе взять инициативу в собственные руки и угостить вас блюдами на мой выбор? – произнёс он в странной и наигранной манере.

– Конечно же не против, мастер Орфей, я всегда доверяла вашему вкусу, – польстила ему Готи, сразу же наблюдая обнажившийся в улыбке ряд золотых зубов.

На стол из ниоткуда прыгнул один из бежевых котов, и сразу подбежал поближе к девушке. Та, не смотря на него, начала гладить животное.

– О, милая моя, – растрогался Орфей, – как же это прелестно. Знаешь, я ожидал, что моя лучшая ученица доверится выбору своего учителя, поэтому я заранее заказал пир для великанов!

Каменные ворота в конце помещения отворились с механическим звуком. Из открывшегося прохода показался огромный великан с поварским колпаком на голове, заляпанным едой и свисающим до плеча. Из тела повара торчали три пары рук, каждая с огромным подносом, на котором изобилие различных блюд норовило свалиться на пол из-за тесноты.

Гигант, имея около четырёх метров роста, цепляя плечами свисающие кроны деревьев, угрожающе шагал вперёд, сотрясая подпрыгивающие столовые приборы и напитки в бокалах. Когда он подошёл совсем близко, то переизбыток запахов, исходящих от его чертовски грязного фартука, многим ударил в нос. Запахи не были противны, напротив, пробуждали зверский аппетит. Но вот только сам повар выглядел так, будто собирается откормить гостей с последующей целью их приготовить в качестве закуски для себя любимого.

Одна из его рук положила огромный поднос прямо на стол. Действительно, пир для великанов. Как разъяснила Готи, само блюдо – это сборка других, определённых блюд, преимущественно мясных, ведь великаны всегда питались мясом огромных зверей. Не удивительно, ведь тут одна, покрытая румяной корочкой нога неизвестного зверя имела размеры, сопоставимые с габаритами взрослого кабана. Остальные же блюда – супы в тарелках, напоминающих размером таз, из которого бы наелась целая орава.

Великан, выполнив свою работу, фыркнул и направился к следующим посетителям, а после вернулся на кухню, откуда больше не выходил.

– Эх, славный малый этот Мэндлок, – начал, брызжа густой слюной в стороны, Орфей, положив руку на мясо в своей тарелке. – С виду такой страшный, но в душе ребёнок и талант, обожающий кулинарию. Не терпит, правда, когда к нему на кухню кто-то заходит. Помню, зашёл туда один недовольный, ну и пожалел об этом, став закуской для Мэндлока. Оно и не удивительно, ведь кухня для него – это святая святых. Сколько глупцов осмеливались туда зайти, столько и не возвращались, – закончил он, и, облизнувшись широченным языком, приготовился к трапезе.

Невероятно скромный ужин, казалось бы, должен пройти по всем нормам поведения. Но Орфей схватился своей лапицей (иначе его руку никак не охарактеризовать) за самый мясистый кусок, и мигом, широко распахнув пасть, зубами зверски оторвал добротную часть сочного мяса, принявшись, причмокивая за дюжину, пережёвывать. И в сей момент работа его челюстей напоминала дробящий аппарат. При втором укусе он умудрился зацепить кость, но это не оказалось помехой, поскольку Орфей переломил её своими зубами.

Орфей преимущественно имел не столько высокий рост, если сравнивать с собратьями, сколько ширину тела, будто сам его скелет раздулся в стороны. Что в совокупности с его ожирением выглядело ещё более эффектнее. Он похож на сплющенного или даже низкорослого великана, но его рука при этом в объёме на вид с метр, а голов диаметром точно, как шина от огромных колёс трактора.

– Ну-с, – не особо внятно выдавил из своего набитого рта, – а вы чего не едите? – говорил он, причмокивая и мерзко заливая слюной пол.

Эрику было бы достаточно несколько более-менее хороших укусов таких вот жареных ножищ зверья, чтобы желудок вдоволь насытился. И неудобно, наверно, за такой скромный, по сравнению с великаном, аппетит. Но Орфея больше волновал свой желудок, иначе объяснить столь яростное поедание блюд никак нельзя.

Эрик постарался взять самый маленький кусочек, но при его подъёме не рассчитал силы, и окорок, по ощущениям весящий не менее двадцати килограмм, вместе с рукой плюхнулся в объёмную соусницу. Благо, таким образом, что все брызги устремились не в стороны, а только на гору блюд. И те, служа своеобразной стеной, не позволили жидкости расплескаться на Орфея и Готи. Девушка, посмотрев на Эрика, как на идиота, взяла вилку и нож, и ими вырезала необходимых размеров мясной кусочек, положив себе в рот.

– Вот не надо на меня так смотреть, – шепнул ей парень, убедившись, что её учитель, слишком занятый трапезой, не слышит. – У меня нет опыта в поедании такого, – и он, взяв столовые приборы, которые заметил только сейчас, спрятанные под краями тарелки, последовал примеру девушки.

Кот, лишённый ласки девушки, ведь та ела, застыл, замурлыкал, на что Готи, отложив нож, взяла зверька и откусила ему половину головы. Да с таким хрустом, как у багета.

– М-м-м, а хлебные коты сегодня вкусные, – пробубнила она с набитым ртом, потом поставила кота, у которого на месте предполагаемой раны виднелся хлебный мякиш, а от самого животного так и пахло, как от булочки. – Эрик? – она заметила, мягко говоря, недоумевающий взгляд парня. – А, ты из-за кота? Это просто заколдованный хлеб.

– Я, пожалуй, откажусь сегодня от мучного.

– Эрик! – произнёс Орфей, проглотив пищу, – а расскажите мне о себе.

– Ну-у-у, – парень не знал, с чего следует начать, – я прибыл из далёких земель к моей... очаровательной Готинейре, – ничего лучше в его голову просто не могло прийти, и, судя по

возмущённому и одновременно ошарашенному лицу девушки, Эрик понял, что явно ляпнул глупость.

– Что? Серьёзно-правда? – глаза толстяка округлились, перевелись в сторону черноволосой. – Милая моя, почему же ты не сказала своему любимому учителю, что собираешься связать себя с этим прелестным мсье? – он захлопнул пальцы в замочек и подпёр им свой подбородок.

Девушка от услышанного застыла в позе пучеглазой совы, которая прищемила себе крыло. Глаза Готи округлились, уставившись на парня, а лицо застыло без эмоций.

– Да, конечно, абсолютная правда, – уголки её губ поднялись в искусственной и глупой улыбочке, а сама черноволосая выглядела так, будто сейчас взорвётся от стыда.

Но вдруг неожиданная вибрация в вагоне, стоило ей появиться, сразу же резко сменилась таким толчком, что всё зашаталось, а люстры закачались в стороны, криво отбрасывая свои движущиеся тени.

– Что это? – спросил Эрик, в голове которого сразу всплыл момент с той телепортацией. – Опять... – прошептал он.

– А, это? Не переживайте, – начал успокаивать их Орфей. – Подобное за сегодня случается уже четвёртый раз. Раньше такого никогда не было, но, я уверен, это пройдёт.

Тем временем пейзаж за окном сменился на густой туман облачных гущ.

– Ну, как так? – продолжил Орфей. – Готинейра, признавайся, почему скрывала такую важную новость?

– Э-э-э, просто хотела сделать сюрприз для любимого учителя.

Её ответ сполна устроил толстяка, чтобы тот начал издавать какие-то странные звуки, будто довольный тюлень.

Но опять его внимание от этого диалога отвлекло очередное подрагивание вагона, затем сменившееся едва слышимым скрежетом. И тут, как нельзя вовремя, мимо проходящее существо случайно зацепило торчащую ногу Орфея, что спровоцировало диалог, наполненную вежливостью и искренними извинениями.

Воспользовавшись моментом, Эрик наклонился в сторону девушки, чтобы его шёпот был слышен чётче.

– Этот скрежет абсолютно такой же, что был, когда произошла та ситуация с Краусом.

– На что ты намекаешь? – она словно ожидала не самый приятный ответ.

– На что-то очень нехорошее... и оно готово произойти вот-вот. Я нутром чую.

Тут послышался слабый звук, какой обычно издают киты, но более грубый. В следующую секунду потолок стремительно вмялся вовнутрь. Не было никакого удара, он просто втянулся с ужасающе громким скрежетом. Люстры вместе с обвивающими их кронами рухнули вниз, вдребезги разбиваясь и ломая столы.

– Что за чертовщина?! – вскочил Орфей из-за стола. – Как вообще возможно, чтобы этот город мог получить повреждения? – его крик эхом разлетелся по вагону.

Началась паника. Все повыскакивали со своих мест и заспешили покинуть ресторан, разделяясь на две группы: одна бежала туда, где находился вход в вагон с бальным залом, а другая группа торопилась в противоположную сторону, толпясь у двух небольших коридорчиков, огибающих помещение кухни.

Эрик, воспользовавшись суматохой, схватил Готи за руку, потащив её к выходу, смешиваясь с толпой так, что Орфей, когда спохватится, не сразу обнаружил убегающих.

Сперва они оба, пробираясь через руины обвалившихся частей потолка и остовов люстр, хотели отправиться по коридорам. Но охваченное паникой столпотворение убедило, что если и сваливать отсюда поскорее и беспрепятственно, то только через кухню. Тем временем хаос возрастал, разруха только усиливалась. И была лишь одна мысль, прыгающая в голове каждого – бежать отсюда прочь через кухню.

Кое-как, навалившись всем телом, Эрик с трудом приоткрыл каменные ворота, и вместе с девушкой протиснулся в образовавшийся проход. В лицо сразу ударил ужасающей силы жар, и пот мигмом принялся сочиться из кожи, капая со лба и носа. Температура казалась необычайно высокой, и рядом висящий термометр доказывал это.

Квадратные ямы в полу, стены которых были обрамлены кирпичом, чуть ли не доверху заполнены горами угля, сквозь который вырывались наружу языки пламени. Решётки, лежащие прямо над ямами, служили подобием места для гриля, где огромные мясные туши с треском и дымом запекались, находясь на решётках.

Огромные ножи и тесаки, размером чуть меньше человека, повсюду висели на цепях, раскачиваясь и брэнча от постукивания друг о друга, отдавая металлическим звоном по кухне. Всё сотрясалось от происходящей катастрофы, и Готи, что-то крикнув, оттолкнула парня в сторону, прыгнув следом. Сразу после этого место в полу, где стояли Эрик и девушка секунду назад, обратилось в огромную трещину от упавшего и со звоном воткнувшегося в кафель тесака, напоминающего своими размерами стальную дверь.

Проход позади обрушился, поэтому теперь путь назад оказался закрыт. Скрежет и тряска усиливались. Каждый квадратный сантиметр пола вибрировал странным образом. Парень в спешке поднялся, затем помог встать Готинейре, и вместе с ней, оглянув ямы, из чьих недр вырывалось адское пламя, они оба побежали дальше, обходя раскачивающиеся мясные туши. Макияж девушки, не выдерживая лютой жары, начал смешиваться с потом и подтекать, медленно расплываясь по лицу.

Почти добравшись до конца кухни, где огромная дверь вела в тамбур, оба уже всюду бежали сломя голову. Но самое страшное оказалось впереди, потому что здоровенная каменная дверь распахнулась, и на пороге оказался тот самый повар. Жуткие размеры этого массивного великана заслоняли собой проход. Мэндлок, обнаружив, что в его владения, в его драгоценную кухню пробрались чужаки, движением шести рук захлопнул ворота, и возникшая ударная волна, а точнее, очередной толчок, повалил парня и девушку на пол.

Эрик сразу вспомнил слова Орфея, говорившего, как Мэндлок избавлялся от всех, кто посмел проникнуть в его кухню. Видимо, по этой причине посетители, несмотря на разрушения вагона, предпочли давить друг друга, пытаясь бежать через тесные коридоры, а не по просторам свободной кухни.

– Эрик! – в испуге крикнула девушка.

Оба развернулись, собираясь бежать обратно, но в глаза бросились руины прохода, через который они сюда попали. Путь назад намертво отрезан, а впереди находилась преграда в лице великана, способного стать причиной скорой гибели.

Эрик в растерянности, не имея понятия, что делать, лишь пятился назад вместе с Готи. Мэндлок, кривя лицо в гневе, схватился за один из тесаков, висящих на цепи, и рванул его на себя с такой силой, что металлические звенья обрушились на пол, вдребезги разбивая кафель.

Огромная тварь ринулась на незваных гостей, срубая тесаком попадавшие на пути препятствия в виде свисающих с потолка зажаренных мясных туш. Мэндлок стремительно приближался, размахивая здоровенным лезвием, разрушая всё на своём пути.

Парочка побежала обратно, хоть и понимала, что движется в тупик. Огибая изрыгающие пламя ямы, Эрик и Готи неслись вперёд, осознавая необходимость что-то предпринять. Позади раздавался лязг металла, грохот шагов, рокот громилы. Повар оказался совсем близко, и в очередной раз, замахнувшись, с рёвом запустил оружие в сторону парня с такой скоростью, что Эрик еле успел отпрыгнуть от проносащегося гигантского тесака.

Скрежет продолжал усиливаться, потолок начал сминаться, обрушивая свои части вместе с раскалёнными трубами, что валились со второго этажа. Парень с девушкой едва успевали уворачиваться от града падающих кусков вагона. Больше всего доставалось великану, чьи габариты не позволяли неуклюжему гиганту уклоняться от ливня осколков.

Куски стальных балок и досок гнулись и ломались о четырёхметровую тушу, и пара, пользуясь моментом, пока Мэндлок пытался выбраться из завала, ринулась обратно, обежав засыпанного обломками амбала. И оба уже неслись со всех ног. Запыхались, но добрались до врат.

Эрик уже собирался обрадоваться, когда, залетев внутрь, оказался с Готи в тамбуре. Но побег, выдвигаясь, ещё не был закончен. Ведь следующий вагон предстал не тамбуром, а сплошным холодильником, где повсюду, сложенные в горы, находились замороженные туши самых разнообразных тварей.

Готи, дёрнув своего спутника за руку, потянула за собой. Они оба ринулись дальше, но из-за скользкого пола едва удерживались на ногах. Позади раздался истошный рёв ввалившегося сюда Мэндлока, всего в ранах, окровавленного, преисполненного всё большей животной яростью.

Он, скользя по обледенелому кафелю, мчался за своими врагами, цепляя руками горы деревянных ящиков с едой, и те с грохотом валились на другие, создавая эффект домино: обрушивающиеся волны, касаясь пола, разлетались в щепки вперемешку с кусками различных овощей и фруктов. Весь этот многотонный фарш из дерева и еды, словно болото, заставлял ноги Малока увязнуть, и волна почти настигла парня с девушкой, но они к тому времени уже успели добежать до стальной массивной двери.

Эрик, навалившись на неё всем телом, еле отворил громадную дверь, и шмыгнул за порог вместе с девушкой; а потом, пыжась, закрывал обратно, наблюдая, как дверь захлопнулась перед самым носом великана. И Эрик, что было силы, закрутил огромный вентиль, заперев врата на засовы. В следующую секунду приходилось слышать только мощные удары по ту сторону и постепенно нарастающий скрежет. Но вскоре даже разъярённый Мэндлок затих.

– Что это, чёрт возьми, было?! Что ещё за обрушение вагона?! – раздался девичий крик.

– Ты меня спрашиваешь?! Откуда мне вообще знать? Я думал, ты мне скажешь! – возмутился парень, потирая едва не оглушённое от крика ухо.

На лице Готи застыл шок.

– Да не может такого быть! Этот поезд невозможно... да он же неуязвим, – тихо говорила кареглазая, ошеломлённо глядя на парня.

На вопросительный взгляд Эрика, затаившего вопрос, она ответила невнятно:

– Просто... Почему-то странно.

– Я уже второй раз слышу эту фразу про неразрушимость поезда, – не желая терять времени, Эрик принялся поворачивать вентиль следующей здоровенной двери, за которой скрывался проход в следующий вагон. – А вот Лин, когда вагон начал рушиться, не удивился этому, а сразу дал чёткие указания, будто что-то знает об этом.

– Но дядюшка Лин сам говорил, что этот город невозможно уничтожить!

– Но уж если происходит то, что происходит, значит, что уничтожить его всё же можно? – окончательно отворив дверь поворотом вентиля, парень принялся её толкать, открывая путь в следующий вагон.

Внутри оказалось спокойно. По площади небольшая, но высокая комната, видимо, лишь часть огромного вагона, некое промежуточное помещение. А в конце двойные деревянные двери, украшенные барельефами и поблёскивающими ручками. Сочного цвета паркет из дуба; пара огромных диванов, предназначенных явно для великанов; настенные светильники, дарующие помещению мягкое, буквально убаюкивающее освещение; а стены сплошь в коричневых обоях с золотистыми узорами.

– Нет, не может, – продолжила она, проходя в комнату.

– Да с чего ты вообще взяла? По-твоему, почему тогда он разрушается сейчас?

– Да откуда мне знать! Даже если вагон получает повреждения, то очень мизерные, и быстро восстанавливается. А сейчас... а сейчас такое!

В их диалоге повисла пауза. Парень путался в собственных мыслях, ничего не понимая. Он слишком многое и в быстром темпе пережил за последнее время. Он ничего не знал об этом поезде, но точно уверен, что состав разрушается, несмотря на свою некую неразрушимость. Это было ясно, как божий день, и спорить об этом глупо. Но Готи никак не хотела принимать данный факт.

Ситуация казалась Эрику настолько бредовой, что он впервые в жизни почувствовал себя чрезвычайно беспомощным перед происходящим. Он толком не понимал, что же это за поезд такой, и не имел ни малейшего понятия об истинной природе этого места. Эрику просто не на что было опираться в попытках предпринять что-то, кроме как идти дальше и следовать призрачной и туманной цели найти Манфисталя.

– Прости, – начал парень, – я не хочу этих ненужных ссор. Просто пойми, я попал сюда невесть каким образом, не зная, что это вообще за место. И нахожусь здесь без всяких конкретных целей.

– Всё хорошо, – ответила девушка, тяжело вздыхая. – Я тебя не виню. Сама в такой же ситуации уже много времени.

– Что ты имеешь ввиду?

– Ну, нахожусь здесь. Бесконечно живу в своём вагоне. Без целей, без понимания самого места. Будто когда-то попала сюда, но ничего не помню. Я знаю о поезде слишком мало, да и то от дядюшки Лина. Только его ответы всегда какие-то двусмысленные и толком не ясные. Будто он сам ничего не понимает, либо же знает всё, но не хочет говорить.

Она вздохнула, достала кругленькую коробочку, открыла её, и, смотрясь в зеркало крышки, начала маскировать потёкший макияж новым толстым слоем белой пудры. Её бледное, как у фарфоровой куклы тело отлично гармонировало с такой белизной.

Пока она прихорашивалась, Эрик какое-то время смотрел на неё, и в конечном итоге ударился в раздумья. В его голове всплывали недавние воспоминания о вокзале, прибытии поезда и том неясном существе, которое, когда Эрик с Краусом шли через вагон, появилось под потолком, и обратилось к парню, а затем исчезло.

Тишина вокруг нарушалась едва слышимыми шагами. Они были огромными, но необычайно тихими. И только Эрик, приоткрыв рот, собирался что-то сказать, как из стены, выходя

подобно призраку, появилась гигантская нога. Она уходила в потолок, была вся прозрачная, с синим отблеском, и излучала мерцающую ауру. Нога, игнорируя стены, ступила в комнату, а после недолгой паузы совершила следующий шаг, скрываясь за стеной. Будто некий огромный призрак шагал по вагонам сквозь любые препятствия.

– Невероятно, – сорвалось с губ парня.

– Это слово ты скажешь ещё не один раз, —глупо улыбнулась девушка.

Девушка подошла к дверям, и стоило ей распахнуть их, то она замерла в изумлении.

Взору открылся зал, напоминающий помещение готического собора. А в нём некое поле с настолько мягким покрытием, что проваливались ноги. По всей территории несметное количество здоровенных клеток и разорванных игрушек, чьи части в виде ваты и оторванных конечностей валялись повсюду. Всё это огромное место – манеж для детей, да не простых, а великанов, которые находились здесь. Каждый минимум с человека ростом, при этом по виду имел вес под восемьсот килограмм. Кошмарные, мерзкие, противные, с глупыми, но одновременно пугающими взглядами, эти твари пускали слюни. Они неуклюже передвигались, вечно спотыкаясь на ровном месте и падая на мягкий пол, который под тяжестью туш сразу проваливался, смягчая любое падение, а потом, как пружина, подкидывал тварей, возвращая их на ноги.

Дети, если этих кошмарных существ можно так назвать, свободно разгуливали по вагону, мучая бедные игрушки и иногда вступая в перепалку друг с другом.

Вглядевшись, Эрик увидел пару развороченных клеток. Видимо, чудовищные младенцы из них выбрались, а потом выпустили остальных. В потолке, пропуская яркий свет, была пара дыр, словно что-то упало в вагон и тем самым сломало клетки, освободив кошмарную стаю.

– Они ведь нас не тронут? – глупо понадеялся парень.

– Пусть великаны и находятся с нами в одном поезде, но это не значит, что все живут тут дружно. Ещё как тронут. Ты многого не знаешь, Эрик, об этом чёртовом городе... поезде. Называй как хочешь, – вздохнула она, беспокойно смотря куда-то вдаль..

– В этом я уже убедился, – сухо ответил Эрик.

Он сразу вспомнил Мэндлока, и как Орфей отзывался об этом громиле, который пожирал наглецов, осмелившихся забрести в кухню шестирукого повара.

– А к тем коридорам мы вернуться не можем? Пройти по ним, а не через основное помещение, не через этих? – Эрик имел ввиду те коридоры, огибающие основу вагона, и предназначенные именно для того, чтобы перемещаться по составу без взаимодействия с основными помещениями, ведь у парня не возникало никакого желания пробираться сквозь полчище верной гибели.

– Если бы могли, то давно там прошли, – сказала она, поправляя волосы. – Они заблокированы, и это странно. Так не должно быть.

– Значит... надо что-то придумать, чтобы пройти через этих великанов.

Парень прикидывал план, способный помочь продвинуться через свору гигантов, но задача сложна и трудновыполнима из-за почти полного отсутствия укрытий. А восьмисоткилограммовых монстров так много, размеры их настолько велики, что парочку с лёгкостью может постигнуть трагичная участь разорванных игрушек.

Готинейра, волнуясь, то и дело вставала на носки, при этом почему-то подпрыгивая. Эрик глянул на её ноги, и тут его осенило.

– Отойди-ка, – попросил он её.

– А? – она очнулась от своих мыслей. – Что ты задумал?

Пол был мягким, что аж ноги проваливались, а девушка, слегка поднимаясь на носочки, даже чуть подпрыгивала, сама того не замечая. Эрик, уверенно стоя, присел, а потом, почти не прилагая никаких усилий, слегка подпрыгнул. И получилось, что покрытие сработало подобно пружине, подкинув парня метра на полтора вверх. Девушка смекнула об идее и повторила эти действия, обнаружив, что пол может оказаться спасением из ситуации, позволив перемещаться высокими прыжками.

Совершив ещё пару более сильных толчков, Эрик без особых усилий подпрыгнул на высоту выше собственной головы. Очень рискованное дело попасть таким образом в конец вагона, к выходу, но другие возможности отсутствовали. Да и ко всему прочему огромные твари, скалясь и обнажая свои зубы, похожие на акулы, заметили чужаков, и уже начали друг друга оповещать жутким завыванием.

Дюжина младенцев-великанов, кто шёл, а кто полз, направлялись к незванным гостям, походя на ораву огромных волков своими голодными взглядами, и слюнями, сочащимися из широких пастей.

– Давай! – Эрик схватил Готи за руку, и оба синхронно прыгнули сперва один раз, затем второй, оказавшийся более сильным, да таким, что поднял их метра на четыре ввысь.

Набрав нужную высоту, чтобы падение с неё позволило развить достаточную скорость, оба под силой притяжения начали возвращаться вниз, и как только коснулись мягкого пола, проваливаясь в него по самое колено, то оттолкнулись изо всех сил, задавая направление новому прыжку.

И вновь их стремительно понесло вверх. Опять касание пола, снова толчок. При очередном приземлении они уже сблизилась с жуткой стаей, и в самый нужный момент, оказавшись при падении буквально у носов монстров, Эрик и Готи, крепко держась за руки, совершили самый сильный прыжок, перелетая через свору, которая, лязгая зубами и издавая будоражащие звуки, потянулась к ним полчищем рук, но не сумела поймать.

Половина вагона преодолена. Оказавшись за этой стеной смерти, Эрик увидел ещё больше детей, хаотично сидящих, кто где. Одни пытались грызть развороченные клетки, другие рвали огромные игрушки, а третьи дрались между собой. И, казалось, имели силу пробить даже тонкую бетонную стену. Но стоило им заметить появление двух чужаков, как всё внимание великанов переключилось на неприятелей. Они побросали свои бесцельные занятия и, наполняя помещение вагона ещё большим хором кошмарного мычания, направились в сторону гостей.

Те же дети, которых Эрик вместе с Готинейрой только что перепрыгнул, неуклюже развернулись, толкаясь, отбрасывая друг друга в стороны. Прыжки продолжались, и парень с девушкой, с трудом контролируя свой полёт, едва приземлялись в свободное от детей место, еле успевая вновь оторваться от земли, когда великаны почти хватили их за ноги.

Каждый прыжок являлся целым испытанием. И всякий раз, находясь в шести метрах от земли, у парня перехватывало дыхание от кишасших под ним тварей, чьи сотни глаз голодным взглядом тарасились на него и девушку, томясь в ожидании, когда кто-то из двух неудачно приземлится.

Казалось, что прыжки длились вечно, и в любой момент произойдёт неудача, и на ноге почувствуется чужая хватка. Внезапно на лице Готинейры застыл ледяной ужас, и её взгляд переполнился страхом, словно она узрела саму смерть. В следующий миг девушка прекратила подниматься в воздух, а наоборот, опускалась в противоположном направлении. Эрик глянул вниз, увидев, как огромная лапа, держа маленькую ножку, тащила Готи к себе. И в итоге бросила на пол, чьё покрытие сильно смягчило падение.

Парень не знал, что предпринять. Уже летя обратно вниз, он наблюдал, как твари сползались к девушке, и пытался придумать способ спасти её, выискивая глазами любую возможность. Существа никак не реагировали на его крики – на попытку отвлечения. И только приземлившись, Эрик, схватив в руки тяжёлую арматуру, что была частью разгрызенной клетки, со всей силы зарядил ею по лапе, удерживающей девушку. Тварь, оглушительно взвывая, отпустила свою добычу. Затем парень принялся, размахивая металлическим прутом, расцарапывать лица великанов, которые тянулись к Готи своими лапами. Но, получая по жирным мордам, они с ревушим визгом убирали руки от девушки.

Сперва эти детища-монстры, стоя на четвереньках, на толстенных конечностях, каждая диаметром с ногу молодого слона, издавали надрывающиеся вопли, но позже разъярились и уже не обращали внимания на размахивание арматурой и на опухающие от повреждения ручищи. Свора неумолимо приближалась, наступая отовсюду, подобно движущимся стенам, готовым вот-вот раздавить свою жертву. Прыгнуть не представлялось возможным, поскольку твари просто не позволили бы этого сделать, не давая даже времени на разгон до нужной высоты.

И только раздавшийся оглушительный лай, своей мощью разлетаясь по вагону, пробудил хоть какую-то надежду. Дети сразу остановились, а вся ярость, голод и безумие на их мордах пропали, сменившись на недовольство и испуг.

Неожиданно над одним из великанов появилось нечто огромное, чёрное, морщинистое. Раскрыв свою пасть, оно схватило за выступающую на спине кожу одного из детей, и, замотав головой, кинуло чудовище напрямиком в стену, как тряпичную куклу.

Дети сразу принялись расползаться, прячась в клетки. И когда их свора пустилась куда подальше, взору открылся огромный шарпей – тот самый пёс, которого Эрик видел, когда шёл с Краусом.

Парень не стал медлить, быстро попытался поднять Готинейру, но та закричала от боли, стоило ей встать. Тогда без лишних слов Эрик взял её на руки и кое-как допрыгал по пружинистому полу до выхода, слыша позади только рёв, лай, вой и жуткие крики великанов.

Уже оказавшись в тамбуре, захлопнув дверь толчком плеча, Эрик посадил девушку на пол.

– Нога, – пропищала она сквозь боль, всё ещё пребывая в небольшом шоке.

Глаза парня мигом устремили свой взгляд на ногу Готинейры, увидев там опухший отёк тёмно-синего цвета в районе голени. Эрик не знал, какие действия сейчас нужно предпринять, к тому же под рукой не было ничего, кроме гальки на полу. Этот тамбур, в отличие от преды-

дущих, оказался почти пуст. Только голые каменные стены, покрытые рисунками, выцарапанными ногтями или чем-то подобным.

За дверью, словно в недрах глубинных вод, донёлся очередной скрежет в сопровождении едва уловимого пения: мягкого, усыпляющего, приглушающего посторонние звуки.

Эрик поднял девушку с пола, взяв её на руки. Повезло, что здесь находились двери в обходные коридоры, и они смогли пройти по ним, не заходя в основное помещение вагона.

Когда парень с девушкой оказался в коридоре, то тот предстал таким, словно из старинного замка, только вперемешку с металлическими частями поезда.

– Эрик, – девичий голос прервал долгое молчание.

Он повернул голову. Лицо Готи находилось очень близко, буквально в тридцати сантиметрах.

– Да? – с волнением в голосе спросил Эрик, но ответ получил не сразу, а лишь спустя небольшой промежуток времени после смущённого взгляда девушки.

– Спасибо.

– За что? – улыбнулся он, идя вперёд с ней на руках, стуча твёрдой подошвой ботинок по заплесневелому полу, который слегка переливался различными цветами в месте, где ступала нога.

В ответ она лишь отвела взгляд.

Так Эрик и продолжал нести её на руках ещё несколько вагонов, проходя через мрачные коридоры. Но через какое-то время, дойдя до нового, парень остановился. Стены впереди были искорёжены, прогнуты внутрь, будто нечто огромное своротило их. Ворота из тамбура, они же смешные двери, выворочены с одной стороны, полностью открывая коридор, а с другой стороны сама часть вагона обрушилась. Чувствовался сильный сквозняк и звуки стучащих о рельсы колёс, доносясь из щелей.

– Да что же это такое... – девушка откровенно ничего не понимала, растерянно бегая взглядом по увиденной картине. – Такого не должно быть вообще, – слова срывались с её губ в испуганном тоне. – Так, спокойно, – скомандовала она сама себе, – не стоит переживать.

Дядюшка Лин всегда говорил, что никогда не нужно пугаться перемен. Нет, не то, но близко, – она схватилась за голову. – Не стоит чего-то бояться, если никогда не доводилось с этим сталкиваться. Нужно изучить это, понять причину. Да, кажется так. Ох, он столько всего говорил.

Её состояние обескураживало Эрика ещё больше, ведь он ничего не понимал о природе этого поезда, как и о творящемся здесь. Он всё сильнее ощущал себя в каком-то реалистичном ночном кошмаре, который с каждой минутой преобразается в нечто более ужасное и необъяснимое.

– Готи, успокойся, – стараясь говорить спокойно, выдавил из себя парень, пытаясь побороть внутренний конфликт эмоций.

– Всё нормально. Нормально, – она собиралась с мыслями. – Давай пойдём дальше. Пожалуйста, Эрик, – она пыталась глубоко дышать, но слышно, как вздохи перемешивались с дёргающимся голосом. – Нужно дойти до Архидендрария, тогда станет гораздо лучше.

Эрик, услышав последние слова, наполнился неким воодушевлением и рвением, придающим силы, а в голове желание поскорее попасть в этот Архидендрарий. Без ощущения всякой усталости он зашёл в коридор, усеянный обломками, и быстрым шагом направился прямо, переступая через валяющиеся светильники и картины.

Спустя ещё пару коридоров двое наконец оказались в нужном вагоне. Готи, кажется, поуспокоилась, а Эрик, наоборот, оказался объят эмоциями от увиденного. Помещение, как и предыдущие, огромно, только, в отличие от других, оказалось полностью лишено света, из-за чего пребывало в полном мраке. Тьма рассеивалась лишь слегка от света космических туманностей и галактик, видневшихся через стеклянный потолок. И столь мягкое и фантастично красивое освещение с трудом позволяло увидеть очертания объектов, расположенных в вагоне.

Готинейра попросила парня пройти через мрак к какому-то пульту, что Эрик и сделал, аккуратно шагая и огибая силуэты объектов.

– Жаль их будить, но надо, – сказала черноволосая, когда парень отнёс её туда, куда она просила. – Так, вроде это, – она нащупала что-то во тьме.

Раздался щелчок. В воздухе начал чувствоваться запах неизвестного сильно пахнущего газа, который будто клубился в определённых точках в пространстве. Затем слабые вспышки искр образовались в воздухе, буквально зажигая сосредоточение газа, который в следующие секунды чудесным образом обратился в сияющие сферы концентрированных молний, чьи языки изредка вырывались из этой оболочки. И теперь тьма, рассеянная своеобразными источниками света, раскрыла всё, что было в вагоне.

Оказалось, в этой темноте, ныне разогнанной чарующего цвета зарёй, находились тысячи цветочных горшков разного размера. Где-то ютились мелкие и необычайно экзотические на вид цветочки, а где-то странные, жуткие и огромные, по несколько метров в высоту.

Одни биолюминесцентные растения плавно переливались мириадами оттенков, другие лишь ярко сияли, а на третьих вырисовывались светящиеся узоры, что двигались по лепесткам, походя на живую абстрактную анимацию. Растения, похожие на обычные, не светились, имели красивый, а порой и мрачный вид, и больше напоминали образы невиданных зверей. Некоторые деревья выглядели подобно переплетению пульсирующих рук, а с других свисали сотни тоненьких и длинных ветвей, покрытых пушистым шевелящимся мхом.

Эрик нёс девушку через эти дебри, встречая на пути столы с кучами лежащих на них бумаг, склянок, ларцов и прочего. Вскоре Готи внезапным возгласом остановила парня у одного из столов, попросила подать ей колбочку с зелёной жидкостью, чей аромат напоминал мяту, но настолько убойную, что от одного лишь запаха хотелось спать.

Девушка, получив заветную микстуру, одним залпом осушила содержимое стекляшки, и через небольшой промежуток времени ударилась в такое умиротворение, что даже её голос убаюкивал своим спокойным тоном. И вдруг её прежнее состояние резко вернулось, но паника уже не брала верх.

– Нужно ногу обработать, – она лениво закрутила головой в поисках чего-то. – Так, неси меня вон к тому столу, – и указала на нужное место, куда парень её и отнёс, усадив на стол.

Девушка принялась копать в микстурах, скидывая с них скомканную бумагу, в итоге найдя нужную бутылочку, жидкостью из которой облила повреждённую ногу. Гематома начала рассасываться, постепенно исчезая, и место ранения вскоре выглядело здоровее некуда.

– Вот это да! – удивился парень, но сразу же опомнился. – Ах, точно, чему я удивляюсь? Весь этот поезд – сплошное чудо. Уж и забыл на минуту, где нахожусь. Кстати, а что это за вагон?

– Архидендрарий. Место с богатой историей. Здесь собраны растения из разных мифов и легенд, большинство из которых давно утрачены историей, – поясняла девушка, растирая остатки лекарства.

Внимание Эрика привлекла плакучая ива, светящаяся голубоватым светом. Её ветви, подобно локонам, свисали вниз, касаясь пола. Мягкие листья, приятные на ощупь, освещали руки, заставляя проявляться вены и шрамы.

– Это Тнгуа, – сказала Готинейра, смотря на парня. – Её листья освещают тело, показывая все раны, полученные когда-либо.

Эрик молча посмотрел на девушку, затем опять взглянул на руки.

– Но вены от её света тоже становятся видны, – ответил Эрик, видя, как на его руках проявляются вены и куча шрамов от ссадин, порезов и ожогов – всех ран, полученных за жизнь. – Причём тут вены? – спросил парень? – Я же их никогда не повреждал, а они светятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.